Алекс Скай

Я купила проклятый пансион. Герцог требует выселения

«Автор»

2026

Скай А.

Я купила проклятый пансион. Герцог требует выселения / А. Скай — «Автор», 2026

После сорванной свадьбы Майра покупает за бесценок старый пансион — и почти сразу понимает, почему от него отказались все прежние владельцы. Дом сам выбирает постояльцев, меняет коридоры и открывает комнаты для тех, кто слишком долго жил по чужим правилам.А затем на пороге появляется герцог Рейнар Дорн — глава Королевской палаты, намеренный закрыть опасную магическую аномалию.У Майры есть семь дней, чтобы спасти свой новый дом. У Рейнара — дверь с номером тринадцать и его собственным именем.Но что, если самое страшное проклятие — это жизнь, которую однажды выбрали за тебя?

© Скай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом, который никому не нужен 5
Глава 2. Постоялица, которой нет в зеркале 22
Глава 3. Герцог требует выселения 46
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Я купила проклятый пансион. Герцог требует выселения

Глава 1. Дом, который никому не нужен

— До свадьбы осталось девять дней, — сказала Майра.

Она произнесла это спокойно, хотя именно спокойствие сейчас требовало от неё больше усилий, чем любой крик.

На столике между ними стояла коробка с образцами свадебных лент. Вчера Майра потратила почти час, выбирая между тёплым сливочным оттенком и цветом молодой груши, а сегодня коробка выглядела предметом из чужой жизни, случайно оставленным в гостиной семьи Лейнов.

Оскар сидел напротив неё и смотрел не на ленты, а на собственные руки. Это было почти смешно. За четыре года знакомства Майра видела, как он заключал сделки, спорил со старшими торговцами, отказывал людям, которым был должен услугу, и однажды сообщил управляющему, что тот больше не работает в доме. Оскар никогда не боялся смотреть собеседнику в глаза.

Но разорвать помолвку оказалось труднее, чем уволить управляющего.

— Именно поэтому я решил сказать сейчас, — ответил он. — Было бы хуже сделать это позже.

Майра медленно положила на стол образец ткани, который всё ещё держала в пальцах.

— Позже — это когда?

— Майра…

— После свадьбы?

Он поднял глаза.

— Конечно нет.

— Тогда я пытаюсь понять, какой именно вариант должен показаться мне хуже девяти дней до свадьбы.

Оскар помолчал.

Гостиная была знакома Майре до последней мелочи. Светлые стены, тяжёлые зелёные шторы, старые часы над камином, кресло с потёртой левой ручкой, которое мать Оскара собиралась перетянуть уже третий год. На столике стояла чашка Майры — фарфоровая, с золотой каймой. Ей всегда подавали именно её, потому что четыре года назад она случайно сказала, что любит тонкий фарфор.

Когда-то это казалось проявлением заботы.

Теперь Майра смотрела на чашку и думала, что в этом доме для неё давно существовало место. Чашка, стул за обеденным столом, спальня после свадьбы, обязанности будущей жены Оскара, знакомые, которых следовало приглашать к ужину, люди, которым нужно было улыбаться.

Место существовало.

Вопрос состоял в том, существовала ли в нём сама Майра.

— Я не хочу причинять тебе боль, — сказал Оскар.

Она удержалась от совершенно лишнего замечания о том, что с этой частью он немного опоздал.

— Тогда скажи причину.

— Я и пытаюсь.

— Нет. Ты пока сообщил мне только о своих хороших намерениях.

На его лице мелькнуло раздражение, но тут же исчезло. Оскар выпрямился.

— Хорошо. Я скажу прямо.

— Это было бы удобно.

Майра тут же пожалела о реплике. Не потому, что она была несправедливой, а потому, что прозвучала слишком легко. Будто они обсуждали сорванную поездку или неудачную закупку, а не четыре года её жизни.

Оскар провёл ладонью по колену.

— Когда мы обручились, всё выглядело иначе.

— Что именно?

— Мои обстоятельства. Дела семьи. Будущее торгового дома.

Майра почувствовала, как внутри начинает складываться ответ. Она ещё не знала его целиком, но уже видела отдельные части и отчаянно не хотела соединять их.

— Продолжай.

— У отца возникли сложности с восточными поставщиками. Мы потеряли два крупных договора. Если ничего не изменится, в следующем году придётся закрыть склад на Речной улице.

— Я знаю.

— Конечно знаешь.

Это прозвучало почти с благодарностью, и от этого стало только хуже.

Майра знала многое. Она четыре года слушала разговоры о поставках, пошлинах, караванах, складских расходах и капризах покупателей. Она научилась различать сорта дорогих тканей, хотя когда-то едва отличала хорошую шерсть от очень хорошей. Именно Майра зимой предложила перенести часть торговли из главной лавки в маленькие квартальные магазины, и Оскар потом с гордостью рассказывал отцу, насколько выросла выручка.

Тогда она не обиделась, что он забыл упомянуть, кому пришла в голову идея.

Будущие супруги, думала Майра. Какая разница, чья мысль спасла семейные деньги, если однажды всё станет общим?

Теперь разница внезапно появилась.

— Дом Вернов предложил отцу партнёрство, — сказал Оскар. — Они берут на себя восточное направление. Мы получаем их перевозчиков и доступ к портовым складам.

— Щедро.

Он снова замолчал.

Майра посмотрела на него внимательнее.

— А что получают Верны?

— Союз семей.

Несколько секунд она действительно не поняла.

Наверное, потому, что разум иногда бывает милосерднее человека и отказывается сразу принимать то, что причинит боль.

Потом Майра вспомнила Эвелину Верн — двадцатидвухлетнюю дочь главы торгового дома, голубые ленты в светлых волосах, звонкий смех на зимнем балу и старшего брата, который однажды в шутку сказал, что отец Эвелины скорее выдаст дочь за бухгалтерскую книгу, если книга принесёт дому достаточно прибыли.

— Понятно, — сказала Майра.

Оскар нахмурился.

— Я не хотел, чтобы ты узнала от кого-то ещё.

Она посмотрела на него.

— Как предусмотрительно.

— Не надо.

— Чего?

— Делать вид, будто я поступаю так из прихоти.

Майра почувствовала первое настоящее движение злости. До этого внутри было только странное оцепенение, словно разговор происходил на другом конце длинного коридора. Злость оказалась почти приятной: тёплой, понятной, живой.

— А я ничего не делаю, Оскар. Я сижу и слушаю.

— Именно. Ты всегда умела слушать. И понимать тоже. Поэтому я надеялся, что ты…

Он запнулся.

— Что я что?

Оскар отвёл взгляд к окну.

— Что ты поймёшь.

Майра тоже посмотрела в окно. На улице проехала телега с бочками, женщина в синем переднике остановилась возле цветочной лавки, мальчишка попытался стащить с тележки яблоко и получил по пальцам от торговца. Город жил совершенно обычным утром.

Её свадьба только что исчезла.

А яблоки всё равно продавались.

— Я понимаю, — сказала Майра.

Оскар быстро повернулся к ней.

Почти с облегчением.

Вот это ранило неожиданно сильно.

— Правда?

— Да. Твоей семье выгоден союз с Вернами.

Он осторожно кивнул.

— Именно.

— А женитьба на мне перестала быть выгодной.

— Я бы не сказал так.

— Тогда скажи иначе.

— Майра, отношения между нами никогда не строились на расчёте.

Она едва заметно подняла брови.

Оскар понял это выражение.

— Не только на расчёте, — поправился он. — Мне всегда было с тобой хорошо. Я уважаю тебя. Ты разумная, надёжная, умеешь держаться в обществе. Ты никогда не создавала проблем моей семье. Мать тебя искренне любит.

Каждое достоинство ложилось перед Майрой, как товар на прилавок.

Разумная.

Надёжная.

Удобная для семьи.

Не создаёт проблем.

Она ждала, что дальше он скажет что-нибудь о ней самой. О том, как она смеётся, когда сердится. О том, что ненавидит корицу в сладкой выпечке. О том, как они однажды заблудились за городом и три часа спорили, кто виноват. О том, что Майра никогда не проходит мимо уличных музыкантов, если у неё есть хотя бы одна лишняя монета.

Хотя бы что-нибудь бесполезное.

Что-нибудь, не повышающее ценность будущей жены.

Оскар сказал:

— Ты была очень разумным выбором.

Майра уставилась на него.

Он понял ошибку почти сразу.

— Я не это имел в виду.

— Нет, — тихо ответила она. — Именно это.

— Майра…

— А теперь появился выбор разумнее.

Оскар встал.

— Это несправедливо.

Она тоже хотела подняться, но заставила себя остаться в кресле.

— Что именно?

— Представлять всё так, будто мне безразличны наши отношения. Мне непросто.

На мгновение Майра едва не рассмеялась.

Не потому, что было смешно. Просто в человеке иногда остаётся очень мало способов не заплакать перед тем, перед кем плакать особенно не хочется.

Она посмотрела на коробку с лентами.

— Кто выбрал Эвелину?

— Что?

— Ты или твой отец?

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

Оскар несколько секунд молчал.

— Сначала отец предложил рассмотреть этот вариант.

Ответ оказался почему-то легче, чем ожидала Майра.

Может быть, потому, что окончательно расставил всё по местам.

— А потом ты согласился.

— После долгих разговоров.

— Разумеется.

— Я думал о нас.

— И пришёл к выводу, что торговый дом важнее.

— Я пришёл к выводу, что иногда человек обязан принимать решения не только ради себя.

Майра кивнула.

Очень знакомая фраза.

Последние четыре года она сама принимала десятки таких решений. Не пошла работать к старому господину Таррену, который предлагал ей вести счета в трёх доходных домах, потому что после свадьбы собиралась помогать Оскару. Отказалась снимать небольшое помещение возле Цветочного рынка, где мечтала открыть контору для управления чужой недвижимостью, потому что мать Оскара считала подобное занятие неподходящим для молодой жены торговца. Перенесла свадьбу на весну, потому что осенью у Лейнов был особенно сложный сезон.

Она принимала решения не только ради себя.

Только почему-то все они уменьшали её жизнь, а решения Оскара расширяли его.

— Хорошо, — сказала Майра.

Он нахмурился.

— Что хорошо?

— Я всё поняла.

— Нам нужно обсудить…

— Нет.

Она наконец поднялась. Ноги слушались нормально, и Майра отметила это с почти посторонним удивлением.

Оскар сделал шаг к ней.

— Ты можешь хотя бы выслушать, что я предлагаю.

— Что ты предлагаешь?

— Разумеется, все расходы на подготовку к свадьбе…

— Мои расходы я оплачу сама.

— Майра, не нужно превращать это в вопрос гордости.

Она посмотрела ему прямо в лицо.

— Тогда во что мне его превратить?

Он не нашёл ответа.

Она взяла со спинки кресла свою накидку. Застёжка не сразу попала в петлю, пришлось повторить движение. Майра ненавидела собственные пальцы за эту единственную маленькую измену.

Оскар подошёл ближе.

— Я хотел сделать всё достойно.

— Сделал.

— Ты сердишься.

— Конечно.

— Но ты ведь понимаешь мои причины.

Майра застегнула накидку.

— Понимаю.

Кажется, именно это расстроило его больше всего.

Возможно, Оскар ожидал слёз. Упрёков. Попытки убедить его отказаться от сделки. Майра и сама ещё вчера была уверена, что боролась бы за четыре года совместной жизни, если бы кто-нибудь попытался их у неё отнять.

Но сейчас вдруг поняла простую вещь: отнимать было уже нечего.

Если мужчине требовалось доказательство того, что жениться на ней выгоднее, чем на другой женщине, она не хотела участвовать в торгах.

Даже если могла бы победить.

Она взяла коробку с лентами.

— Оставь, — сказал Оскар. — Мы можем отправить всё мастеру.

— Это мои образцы.

— Зачем они тебе?

Майра посмотрела на сливочную ленту, которую выбрала вчера.

— Не знаю.

И впервые за всё утро это был совершенно честный ответ.

Она вышла из дома Лейнов, спустилась по шести знакомым ступеням и только на улице вспомнила, что оставила на столе свою фарфоровую чашку.

Возвращаться за ней Майра не стала.

Через три дня выяснилось, что отменить свадьбу значительно труднее, чем отменить жениха.

Жених требовался для свадьбы всего один. Всё остальное существовало самостоятельно и обладало удивительной устойчивостью.

Пекарь уже заказал орехи для праздничных пирогов. Цветочник привёз половину обещанных белых роз. Швея закончила верх платья и в течение десяти минут убеждала Майру, что его вполне можно переделать во что-нибудь «менее свадебное и очень практичное», после чего обе посмотрели на облако жемчужно-белой ткани и одновременно замолчали.

Тётка Оскаровой матери прислала серебряную вазу с выгравированной датой торжества.

Майра упаковала вазу обратно.

К вечеру второго дня она научилась произносить: «Свадьбы не будет», не добавляя никаких пояснений.

К вечеру третьего — перестала замечать выражение жалости на лицах.

Почти.

Хуже всего оказалось освободившееся время.

У Майры внезапно не было примерок, встреч с поставщиками, обсуждений меню, визитов к родственникам Лейнов и десятка мелких обязанностей, которые ещё неделю назад вызывали у неё раздражение.

Утром четвёртого дня она проснулась в доме своей тётки Клары, где жила последние несколько лет, и поняла, что ей совершенно некуда идти.

Это оказалось страшнее самого разрыва.

Тётка Клара обнаружила её на кухне над стопкой старых счетов.

— Ты собираешься свести расходы на свадьбу ещё раз? — спросила она, ставя на стол корзину с булочками.

— Нет.

— Врёшь.

— Уже свела.

— Дважды?

Майра промолчала.

Клара вздохнула и села напротив. Ей было пятьдесят четыре, она держала небольшую лавку тканей возле Южных ворот и обладала редким талантом задавать неприятные вопросы таким тоном, будто предлагала ещё кусочек пирога.

— Сколько потеряла?

— Меньше, чем ожидала.

— Это о деньгах?

Майра посмотрела на неё.

— Сейчас — да.

— Уже прогресс.

Тётка потянулась к верхнему листу.

— А это что?

Майра прикрыла его ладонью.

— Ничего.

— Если ты закрываешь документ рукой, он автоматически становится интереснее.

— Объявления городских торгов.

Клара медленно подняла брови.

— Зачем тебе городские торги?

— Смотрю.

— На что?

— На всё.

— Майра.

— Мне нужно чем-то заниматься.

— Можно начать с завтрака.

— После завтрака мне всё равно нужно будет чем-то заниматься.

Клара некоторое время разглядывала её, а затем неожиданно отступила.

— Хорошо. Только не покупай лошадь.

— Почему именно лошадь?

— Вчера госпожа Ремли после развода купила двух.

— И что?

— Теперь у неё нет мужа, но есть расходы на двух лошадей.

Майра впервые за несколько дней улыбнулась.

— Я постараюсь быть благоразумнее.

— Вот этого я и боюсь.

Клара взяла булочку и принялась намазывать её сливовым вареньем.

Майра вернулась к списку.

Город раз в месяц продавал имущество, которое по разным причинам переходило казне: дома без наследников, закрытые мастерские, склады с долгами, участки земли, ветхие постройки. Обычно лучшие предложения разбирали ещё до начала торгов — представители купеческих домов знали, на что смотреть и сколько платить.

Майра тоже знала.

Последние три года она помогала Лейнам оценивать недвижимость.

Мысль об этом неприятно царапнула, но Майра заставила себя продолжить чтение.

Склад на северной набережной. Слишком дорогой.

Три помещения под лавки возле Рыбной площади. Хорошее место, но цена наверняка взлетит.

Небольшой дом в квартале мастеров. Ничего особенного.

Пустая кузница.

Старый пансион на улице Семи Фонарей.

Майра задержала палец на строке.

Площадь здания была почти в четыре раза больше дома тётки.

Начальная цена — меньше, чем за одну хорошую лавку в центре.

Она перечитала цифру.

Потом ещё раз.

— Клара.

— Мм?

— Насколько плох должен быть дом, чтобы город продавал его за восемьсот двадцать крон?

— Зависит от дома.

— Три этажа. Двенадцать жилых комнат. Общая гостиная, кухня, хозяйственный двор. Каменный первый этаж.

Тётка перестала жевать.

— Адрес?

— Семь Фонарей, семнадцать.

Клара положила булочку.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, что я собираюсь спросить.

— Знаю.

— Тогда расскажи мне про дом.

— Нет.

— Это ответ на другой вопрос.

Тётка шумно выдохнула.

— Майра, иногда низкая цена означает не выгодную покупку, а предупреждение.

— Что с ним не так?

— Он никому не нужен.

— Я вижу.

— Не в смысле «пока не нашёлся покупатель». В смысле — никому. Его пытались продать два года назад. Потом прошлой осенью. Потом зимой.

— Почему не продали?

— Потому что желающие сначала идут смотреть.

Майра снова посмотрела на объявление.

— Тем более стоит посмотреть.

Клара закрыла глаза.

— Я слишком хорошо тебя воспитала.

— Меня воспитывала мама.

— А упрямство досталось от меня.

Через двадцать минут Майра уже собирала бумаги.

Пансион оказался хуже, чем она ожидала.

И лучше.

Хуже — потому что даже объявление, составленное городским писарем с очевидной профессиональной сдержанностью, не смогло передать состояние крыши.

Лучше — потому что здание было прекрасным.

Спрятанным под запущенностью, облупившейся краской и двумя сезонами без нормального ухода, но прекрасным.

Дом стоял в конце короткой улицы, уходившей от шумной Торговой дороги к старому городскому саду. Когда-то район явно считался хорошим: широкие тротуары, взрослые липы, каменные ограды, большие окна первых этажей. Сейчас часть состоятельных семей перебралась ближе к новому дворцу, и улица стала тише.

Для пансиона, решила Майра, это даже преимущество.

Если пансион когда-нибудь снова станет пансионом.

Она остановилась перед воротами.

— Можете ещё передумать, — сообщил сопровождавший её чиновник.

Господин Вейр занимался городским имуществом и выглядел человеком, который заранее устал от любого здания, внесённого в его реестр.

— Я пока ничего не решила.

— Так говорят все.

— Здесь было много желающих?

— Смотреть — достаточно.

— Покупать?

Он выразительно посмотрел на дом.

— Вы первая за четыре месяца.

Майра подняла голову.

Три этажа. Светлая штукатурка, местами осыпавшаяся до красного кирпича. Высокие окна. Мансардная крыша с двумя маленькими башенками. Широкое крыльцо, над которым висела старая деревянная вывеска.

Надпись почти стёрлась.

Майра сумела разобрать только:

«Пансион…»

Остальное скрывал слой времени.

— Как он назывался?

— Не помню.

— В бумагах должно быть.

— Здание записано по адресу.

Очень полезно.

Вейр вытащил связку ключей.

Калитка открылась с таким скрипом, будто официально выразила отношение к посетителям.

Двор был заросшим, но не безнадёжным. В углу стояла старая липа. Под ней — каменная скамейка, почти скрытая травой. Вдоль стены угадывались остатки цветочных клумб.

Майра уже мысленно считала.

Расчистить двор — можно самой и с помощью нанятых рабочих на пару дней.

Ограда целая.

Крыльцо крепкое.

Окна…

— Два стекла разбиты, — сказал Вейр, заметив её взгляд. — Или три.

— Вы даже не знаете?

— Я стараюсь не бывать здесь чаще необходимого.

Майра посмотрела на него.

— Почему?

— Скучное место.

Он сказал это слишком быстро.

Она решила пока не уточнять.

Внутренняя дверь открылась не сразу. Вейр трижды повернул ключ, навалился плечом и наконец толкнул створку.

Навстречу им пахнуло деревом, пылью и закрытым домом.

Майра вошла первой.

Свет из высоких окон ложился на пол длинными прямоугольниками. У дальней стены стояла стойка приёма гостей, за ней висели полки с ячейками для ключей. Справа начиналась широкая лестница. Слева находилась гостиная с большим камином.

И всё это было покрыто таким слоем пыли, что Майра подумала: если открыть пансион прямо сейчас, первым постояльцам придётся доплачивать за археологические работы.

Она провела пальцем по стойке.

— Мебель входит в стоимость?

— Всё, что осталось внутри.

— Почему её не продали отдельно?

Вейр пожал плечами.

— Никто не захотел заниматься.

Майра заглянула в гостиную.

Диван требовал новой обивки, но каркас казался целым. Два кресла. Круглый стол. Шкаф с застеклёнными дверцами, за которыми всё ещё стояло несколько чашек.

Возле окна обнаружился маленький столик для завтраков.

Майра неожиданно увидела комнату другой.

Чистый пол. Огонь в камине. Светлые шторы. На столе чайник. Кто-то читает возле окна. Кто-то смеётся на лестнице.

Она моргнула.

Комната снова стала пыльной.

— Покажите кухню.

Вейр посмотрел на неё с лёгким сожалением.

— Обычно после гостиной люди уже уходят.

— Значит, вы сегодня получите новый опыт.

Кухня была огромной.

Старая плита, широкий рабочий стол, две кладовые, мойка возле окна и дверь во двор.

Майра открыла первый шкаф.

Пусто.

Второй.

Три тарелки, деревянная ложка и одинокая чашка с отколотой ручкой.

Третий не открылся.

Она потянула сильнее.

— Не советую, — сказал Вейр.

— Почему?

— Прошлый оценщик сломал ручку.

Майра отпустила дверцу.

— Ценная информация. А до того, как я начала тянуть, сказать было нельзя?

— Я хотел понять, насколько вы настойчивая.

— И?

— Слишком.

Она улыбнулась.

На втором этаже находились комнаты.

Большинство были небольшими, но светлыми. В некоторых сохранились кровати. В одной — старый платяной шкаф. В другой — комод с медными ручками.

Третья комната удивила Майру.

Она вошла, осмотрела окно, пол, потолок, затем снова выглянула в коридор.

— Что? — спросил Вейр.

— Она больше.

— Какая?

— Эта.

— Больше чего?

— Чем должна быть.

Он посмотрел на неё без всякого выражения.

Майра вышла в коридор и пересчитала шаги от стены соседней комнаты до лестницы.

Потом вернулась внутрь.

— Коридор короче, чем сумма комнат.

— Старые дома.

— Геометрия обычно стареет медленнее штукатурки.

— Вы специалист по зданиям?

— Немного разбираюсь.

— Тогда вы знаете, что стены бывают толстыми.

Майра постучала по перегородке.

Звук был обычным.

Она решила не тратить на это время.

Третий этаж находился в худшем состоянии. На потолке возле лестницы расплылось большое тёмное пятно.

Майра подняла голову.

— Крыша.

— Я предупреждал.

— Вы сказали «требует ремонта».

— Это и означает ремонт.

— Это означает, что однажды ночью дождь может прийти ко мне без приглашения.

— Тоже разновидность ремонта.

Она посмотрела на чиновника.

— Вы невероятно плохо продаёте городское имущество.

— Мне не платят процент.

Честный человек.

Майра подошла к окну в конце коридора.

Отсюда был виден сад, крыши соседних домов и кусочек башни городской ратуши.

Место было хорошее.

Очень хорошее.

Слишком хорошее для восьмисот двадцати крон.

— Что ещё?

Вейр сделал вид, будто не понял.

— В каком смысле?

— Почему дом не покупают?

— Вы видели крышу.

— Крыша не стоит разницы между этой ценой и нормальной стоимостью здания.

Он снова промолчал.

Майра развернулась.

— Господин Вейр.

— В документах нет никаких юридических ограничений, — сказал он. — Долгов на объекте нет. Право собственности переходит полностью. Земля относится к зданию. Никаких требований прежних владельцев не зарегистрировано.

— Я спросила не об этом.

— А город отвечает именно на юридические вопросы.

— Значит, есть неюридические?

Вейр потёр переносицу.

— Люди говорят всякое.

— Что именно?

— Что дом странный.

Майра ждала продолжения.

Его не последовало.

— Это всё?

— Вам мало?

— Для снижения цены в четыре раза — да.

Он посмотрел на дверь комнаты, затем на лестницу.

— Одна хозяйка прожила здесь меньше месяца. Предыдущий покупатель отказался подписывать окончательные документы после первого осмотра ночью. Несколько рабочих ушли с ремонта.

— Почему?

— Не понравилось место.

— Всем одновременно?

— Люди бывают впечатлительными.

Майра вспомнила третью комнату, которая каким-то образом не помещалась в коридоре.

— Привидения?

Вейр поморщился.

— Я государственный служащий.

— Прекрасно. Государственные служащие не верят в привидения?

— Государственные служащие не вносят их в акты оценки недвижимости.

Майра рассмеялась.

Первый настоящий смех за четыре дня прозвучал непривычно.

Она снова посмотрела в окно.

Дом оставался слишком большим, слишком старым, слишком дешёвым и, вероятно, слишком проблемным для человека, который ещё неделю назад собирался стать женой торговца и никогда не управлял пансионом.

Нормальное решение заключалось в том, чтобы уйти.

Она спустилась на первый этаж именно с этим намерением.

Перед выходом задержалась возле стойки.

Под пылью виднелась маленькая латунная табличка.

Майра протёрла её краем перчатки.

На табличке было выгравировано:

«Хозяйка».

Одно слово.

Она неожиданно вспомнила Оскара.

«Ты была очень разумным выбором».

Четыре года её будущее зависело от того, насколько хорошо она подходила чьим-то планам.

У этого дома, судя по состоянию крыши, вообще не было планов.

От него требовалось только одно: чтобы кто-нибудь наконец занялся его жизнью.

Майра положила ладонь на стойку.

— Сколько, по-вашему, понадобится на первичный ремонт?

Вейр вздохнул.

— Не делайте этого.

— Я задала вопрос.

— Столько, сколько вы сейчас думаете, плюс половина.

— Очень профессиональная оценка.

— И честная.

— Если я найму кровельщиков, поменяю разбитые окна, приведу в порядок шесть комнат и первый этаж, не трогая остальное?

Он задумался.

Назвал сумму.

Майра мысленно прибавила ещё треть.

Деньги у неё были.

Не состояние. Но достаточно, чтобы после отменённой свадьбы и возврата части расходов у неё остались накопления, которые она несколько лет откладывала сама.

Если дело провалится, она потеряет значительную их часть.

Если не попробует…

Она вдруг поняла, что не знает, что произойдёт, если не попробует.

Вернётся домой. Найдёт работу. Через несколько месяцев перестанет вздрагивать, услышав имя Оскара. Через год будет рассказывать эту историю спокойно.

Всё это возможно.

Но впервые Майре хотелось сделать что-нибудь не потому, что это самый безопасный выбор.

— Торги завтра?

— В десять.

— Есть ещё заявки?

— На этот объект? Ни одной.

Майра посмотрела на пыльный зал.

— Тогда увидимся завтра.

Вейр прикрыл глаза.

— Я вас предупреждал.

— Запишите это в акт.

Пансион достался Майре за восемьсот двадцать крон.

Никто не сделал второй ставки.

Чиновник, проводивший торги, даже переспросил, уверена ли она.

Тётка Клара, узнав о покупке, молчала почти минуту.

Это было настолько нехарактерно, что Майра начала беспокоиться.

— Скажи что-нибудь.

Клара встала, подошла к шкафу и достала рабочий передник.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь посмотреть, куда ты угробила свои деньги.

— Я думала, ты будешь меня отговаривать.

— Поздно. Теперь разумнее помочь тебе не угробить оставшиеся.

Через час они стояли в гостиной пансиона.

Клара огляделась.

— Камин хороший.

— Вот видишь.

— Крыша ужасная.

— Это я знаю.

— Лестница крепкая.

— Именно.

— В углу плесень.

— Небольшая.

— Майра.

— Я её уже видела.

Тётка открыла окно. Оно застряло на половине пути.

— А это?

— Разработается.

— Ты говоришь о доме так, как женщины говорят о мужчинах, которых собираются исправить после свадьбы.

Майра замерла с тряпкой в руке.

Клара тоже замерла.

— Прости.

— Ничего.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Майра повернулась к окну.

— Разница в том, что дом хотя бы не обещал быть исправным.

Клара фыркнула.

И напряжение исчезло.

Они начали с первого этажа.

Через два часа выяснилось, что прежние хозяева пансиона обладали странной любовью к шкафам.

Шкаф обнаружился в гостиной.

Ещё один — в столовой.

Два — в коридоре.

Третий каким-то образом стоял под лестницей.

— Зачем человеку пять шкафов на одном этаже? — спросила Клара.

— Возможно, прежняя хозяйка очень не доверяла открытым полкам.

Они сдвинули маленький шкаф от стены.

За ним обнаружилась узкая ниша и давно потерянная щётка.

— Шесть, — сказала Майра.

— Что?

— В кухне ещё один.

— Этот дом создавался людьми, которые боялись остаться без места для хранения.

В половине четвёртого начался дождь.

Майра услышала его по крыше и сразу вспомнила тёмное пятно на третьем этаже.

— Нет.

Клара подняла голову.

— Что?

— Только не сегодня.

Она бросила тряпку и побежала наверх.

На третьем этаже пока было сухо.

Майра поставила руки на бёдра и посмотрела в потолок.

— Давай договоримся.

Клара появилась на лестнице.

— Ты с кем разговариваешь?

— С крышей.

— И как переговоры?

— Я объясняю, что денег на неё пока нет.

Первая капля упала Майре на лоб.

Клара прислонилась к стене и рассмеялась.

— Предательница, — сказала Майра крыше.

Вторая капля упала рядом.

Через минуту им пришлось подставлять таз.

Потом второй.

Третий нашёлся на кухне, но оказался настолько большим, что Клара торжественно объявила его главным вкладом прежних владельцев в будущее предприятия.

К вечеру первый этаж был почти чистым.

Почти — означало, что теперь стало хорошо видно, сколько всего ещё нужно отмыть.

Клара ушла до темноты, заставив Майру пообещать, что та тоже скоро вернётся домой.

Майра обещала.

И не ушла.

Она сидела на ступеньке крыльца с чашкой горячего чая, который приготовила на маленькой переносной жаровне, и смотрела на двор.

Дождь закончился.

Камни блестели. С листьев липы ещё падали крупные капли. Воздух пах мокрой землёй и старым деревом.

Майра устала так, что болела спина.

На юбке было пыльное пятно. Волосы выбились из причёски. Правая ладонь саднила после долгой работы щёткой.

Но впервые за несколько дней ей не хотелось думать о свадьбе.

Это открытие пришло без торжественности.

Она просто поняла, что последние четыре часа размышляла о крыше, кроватях, стоимости стекла, кухонной плите и о том, как вытащить из угла гостиной диван, не разбирая его.

Оскар не занимал ни одной из этих мыслей.

Майра допила чай.

— Неплохое начало, — сказала она дому.

Изнутри донёсся негромкий щелчок.

Она повернула голову.

В прихожей зажёгся фонарь.

Майра несколько секунд смотрела на него через открытую дверь.

Утром она проверяла фонари.

Все были пусты.

Она поставила чашку на ступеньку и вошла внутрь.

Свет был мягким, золотистым. Обычный огонь за стеклом.

Майра поднялась на носки и посмотрела внутрь.

Никакого масла.

Она опустилась.

— Очень смешно.

Никто не ответил.

Майра оглядела холл.

Второй фонарь зажёгся возле лестницы.

Теперь она уже не улыбалась.

— Клара?

Тишина.

Тётка могла вернуться. Могла решить пошутить. Правда, чтобы устроить такую шутку, ей понадобилось бы каким-то образом спрятаться в доме, заполнить пустой фонарь невидимым маслом и научиться зажигать его на расстоянии.

Майра прошла к лестнице.

Третий фонарь загорелся на площадке второго этажа.

Потом четвёртый.

Дальше по коридору.

Один за другим.

Как будто кто-то шёл впереди неё и включал свет.

Майра остановилась.

— Хорошо.

Собственный голос показался слишком громким.

— Допустим.

Это слово тоже не помогло.

Она поднялась на второй этаж.

Фонари горели вдоль всего коридора.

Тёплый свет неожиданно преобразил пространство. Днём здесь были только пыль, закрытые комнаты и стены, требующие новой краски. Сейчас коридор выглядел почти уютно.

Будто дом вспоминал, каким был раньше.

Майра подошла к ближайшему фонарю.

Огонь колыхнулся.

Она поднесла палец к стеклу.

Тёплое.

Настоящее.

— Я ведь могу тебя продать, — предупредила Майра дом.

Где-то на первом этаже что-то стукнуло.

— Это не угроза. Пока.

Она спустилась.

В прихожей всё оставалось на местах.

Кроме двери.

Майра точно помнила, что оставила её открытой.

Теперь дверь была закрыта.

Она подошла, проверила засов.

Не заперт.

Может быть, ветер.

Да, конечно.

Старый дом. Сквозняки. Кривые полы. Неисправные фонари, каким-то невероятным образом сохранившие каплю масла.

Майра открыла дверь.

На улице уже темнело.

Над крыльцом тоже горел фонарь.

Она почти решила, что хватит на сегодня, когда заметила вывеску.

Утром это была обычная старая доска с облупившимися буквами.

Сейчас надпись можно было прочитать совершенно ясно.

Майра медленно спустилась на одну ступеньку.

Возможно, дождь смыл грязь.

Она поднялась обратно.

Нет.

Буквы были другими.

Она прекрасно помнила полустёртое слово «Пансион» и неопределённые следы старой краски ниже.

Теперь на тёмном дереве ровными светлыми буквами значилось:

«ПАНСИОН ОТКРЫТ».

Майра смотрела долго.

Затем подняла фонарь со ступеньки, поднесла ближе.

Под первой строкой проступала вторая.

Она была меньше.

«ХОЗЯЙКА НАЙДЕНА».

Майра перечитала.

Потом ещё раз.

— Нет.

Дом не ответил.

— Я тебя не открывала.

Где-то внутри тихо скрипнула половица.

Майра резко обернулась.

Пусто.

— И постояльцев я не принимаю.

Фонарь над дверью вспыхнул чуть ярче.

— Особенно сегодня.

Со стороны калитки донёсся скрип.

Майра замолчала.

Калитка медленно открылась.

На дорожке появилась женская фигура.

Незнакомка шла к дому осторожно, придерживая тёмную дорожную сумку обеими руками. На ней был простой серый плащ, край которого намок от недавнего дождя. Женщина казалась старше Майры лет на десять или пятнадцать, хотя в сумерках определить точнее было трудно.

Она остановилась перед крыльцом.

Посмотрела на вывеску.

Потом на Майру.

— Простите, — сказала незнакомка. — Я боялась, что не успею.

Майра медленно опустила фонарь.

— Куда?

Женщина удивлённо посмотрела на неё.

— Сюда.

— Почему?

Теперь растерялась уже незнакомка.

Она подняла руку и указала на вывеску.

— Потому что ваш пансион открыт.

Майра проследила за её взглядом.

Слова по-прежнему были на месте.

«ПАНСИОН ОТКРЫТ. ХОЗЯЙКА НАЙДЕНА».

— Он открылся примерно три минуты назад, — сказала Майра.

Женщина прижала сумку к себе.

— Значит, я пришла вовремя.

В прихожей сам собой зажёгся ещё один фонарь.

А затем со второго этажа донёсся отчётливый звук открывшейся двери.

Обе женщины подняли головы.

Незнакомка побледнела.

— Комната уже выбрала?

Майра медленно повернулась к ней.

— Что значит «выбрала»?

Женщина посмотрела на Майру так, будто впервые поняла, что перед ней стоит человек, который знает о собственном пансионе значительно меньше, чем первая случайная постоялица.

— Вы правда не знаете, какой дом купили?

Майра посмотрела в освещённый холл, на лестницу, по которой час назад сама таскала ведро, на ряд горящих без всякой причины фонарей, а потом снова на надпись над дверью.

Она заплатила восемьсот двадцать крон за три этажа, двенадцать комнат, дырявую крышу и слишком много шкафов.

Похоже, город всё-таки что-то забыл указать в описании имущества.

Глава 2. Постоялица, которой нет в зеркале

— Похоже, город всё-таки что-то забыл указать в описании имущества, — сказала Майра.

Незнакомка не улыбнулась.

Она всё ещё стояла на нижней ступени крыльца, прижимая к себе дорожную сумку так, словно в ней находилось последнее, что у неё осталось. От дождя её тёмные волосы выбились из-под капюшона и прилипли к вискам. Женщина выглядела усталой, но не той усталостью, которая проходит после хорошего сна. В её лице было что-то настороженное, привычное, будто последние месяцы она входила в каждую новую дверь заранее готовая к тому, что её попросят уйти.

Майра перевела взгляд на лестницу.

Наверху больше ничего не происходило.

Дверь, открывшаяся сама, не хлопала, не скрипела, не испускала зловещего свечения. Где-то там просто существовала комната, которая, судя по словам незнакомки, кого-то уже «выбрала».

Очень хотелось вернуться к тому времени, когда главной проблемой дома была дырявая крыша.

— Давайте сначала с самого простого, — предложила Майра. — Как вас зовут?

Женщина моргнула, словно вопрос оказался неожиданным.

— Флорена Восс.

— Майра Элден.

— Я знаю.

Майра чуть прищурилась.

— Вот это уже интересно.

— Простите. Я не хотела вас пугать.

— Учитывая, что десять минут назад мой дом сам объявил меня хозяйкой, вам придётся постараться сильнее.

На этот раз уголки губ Флорены дрогнули.

— Ваше имя было на объявлении о торгах.

Объяснение было настолько обычным, что Майра почти расстроилась.

— Хорошо. Значит, пока обойдёмся без тайного общества, которое следит за моими покупками.

Флорена опустила глаза.

— Я могу уйти, если вы ещё не принимаете постояльцев.

Майра посмотрела на дорожную сумку, на мокрый плащ, на улицу за спиной женщины. Дождь закончился, но воздух уже становился холоднее, а до полной темноты оставалось совсем немного.

Самым разумным решением было именно это.

Отказать.

Пансион официально не работал. На втором этаже не было подготовлено ни одной комнаты. Майра не знала, где лежит чистое постельное бельё, если оно вообще осталось от прежних хозяев. В кухне имелась одна чашка с отбитой ручкой, несколько тарелок и неизвестное количество шкафов, которые, судя по сегодняшнему опыту, составляли самостоятельное население дома.

Кроме того, Майра понятия не имела, что означает фраза «комната выбрала».

Она уже открыла рот, чтобы объяснить всё это Флорене.

За спиной мягко щёлкнул замок.

Майра обернулась.

Входная дверь, которую она оставила распахнутой, медленно открылась шире.

Не захлопнулась.

Не закрылась.

Именно открылась.

Флорена проследила за её взглядом.

— Кажется, он возражает.

— Это мой дом.

Дверь осталась открытой.

— Пока, — добавила Майра, — мы с ним не вполне выяснили, кто здесь принимает решения.

Она снова посмотрела на Флорену.

Женщина ждала.

Не просила. Не давила. Даже не делала того особенного несчастного выражения, которым некоторые люди умеют превращать отказ в нравственное преступление.

Майра выдохнула.

— На одну ночь?

Флорена быстро кивнула.

— На одну.

— Тогда входите.

Она отступила с прохода.

Флорена переступила порог, и в тот же момент фонарь над дверью перестал гореть ярче остальных.

Будто получил то, чего хотел.

Майра заметила это.

И решила пока не обсуждать с домом победу.

— Сразу предупреждаю, — сказала она, закрывая дверь, — пансион находится в состоянии, которое городской чиновник назвал «требует ремонта», а я называю «если сверху что-нибудь капает, сначала отойдите, потом задавайте вопросы».

Флорена оглядела холл.

— Здесь красиво.

Майра тоже огляделась.

После нескольких часов уборки первый этаж действительно изменился. Пол больше не был серым от пыли. На стойке проступил настоящий цвет дерева. Клара протёрла окна, и даже в вечернем свете стало видно, что помещение гораздо просторнее, чем казалось утром.

Но назвать его красивым Майра пока не решилась бы.

— Вы очень добра к зданиям.

— Я швея.

— Это как-то связано?

— Я привыкла смотреть на то, чем вещь может стать.

Ответ понравился Майре.

— Тогда вы здесь надолго задерживать взгляд не будете. Возможностей у этого дома больше, чем у меня денег.

Флорена поставила сумку возле стойки.

— Сколько стоит комната?

Майра замерла.

Вот вопрос, о котором она почему-то вообще не подумала.

Она купила пансион.

Решила когда-нибудь принимать постояльцев.

Посчитала стоимость стекла, ремонта кровли, нескольких кроватей, новой обивки и даже приблизительную цену дров на холодное время года.

И ни разу не решила, сколько брать с человека за ночь.

Майра опёрлась ладонями о стойку.

— Сколько обычно стоит комната в пансионе такого уровня?

Флорена посмотрела на неё.

— Какого уровня?

— Именно поэтому я и спрашиваю.

Некоторое время они молчали.

— В хорошем пансионе в центре — две кроны, — наконец сказала Флорена. — Иногда две с половиной.

— А в плохом?

— Около одной.

Майра посмотрела на потолок.

— Крыша протекает.

— Я заметила таз на лестнице.

— Один таз не должен определять стоимость всей недвижимости.

— Их там три.

— Вы наблюдательны.

Флорена всё-таки улыбнулась.

— Одна крона?

Майра покачала головой.

— За дом, который самовольно принимает клиентов раньше хозяйки, это было бы слишком нагло.

— Полкроны?

— Договорились.

Флорена достала кошель и положила монету на стойку.

Первый доход пансиона оказался половиной кроны.

Майра посмотрела на монету и неожиданно почувствовала почти детское удовлетворение.

Она заработала её не для Лейнов.

Не помогла Оскару заключить сделку.

Не рассчитала чужую прибыль.

Полкроны принадлежали её собственному делу.

Пусть пока дело состояло из одной постоялицы, дырявой крыши и дома с сомнительным представлением о полномочиях владельца.

— Теперь надо выяснить, какую именно комнату вы сняли, — сказала Майра.

Флорена заметно напряглась.

— Третью.

— Вы уверены?

— Если дверь открылась сама, значит, третью.

Майра медленно подняла голову.

— Вы знали номер?

— Нет.

— Но сейчас уверены.

— Да.

— Почему?

Флорена сцепила пальцы.

— Можно сначала подняться?

Майра хотела возразить, но передумала.

За сегодняшний день она уже выяснила одну полезную вещь: если человек боится отвечать на вопрос, иногда лучше дать ему немного времени, чем сразу давить.

— Хорошо. Только идите за мной. Я сегодня уже познакомилась с некоторыми особенностями планировки и не ручаюсь, что ночью она станет понятнее.

Они взяли сумку Флорены и направились к лестнице.

Майра первой поставила ногу на нижнюю ступень.

На третьей ей показалось, что с лестницей что-то не так.

На седьмой она остановилась.

Флорена едва не столкнулась с ней.

— Что случилось?

Майра посмотрела вверх.

Площадка второго этажа была совсем близко.

Слишком близко.

Она прекрасно помнила, как днём несколько раз поднималась сюда с вёдрами. Лестница была широкой, пологой и достаточно длинной, чтобы к последним ступеням начинать задаваться вопросом, зачем человеку вообще понадобился второй этаж.

Сейчас до площадки оставалось четыре ступени.

Майра спустилась на одну.

Посмотрела вниз.

— Вы что-нибудь заметили?

Флорена ответила не сразу.

— Лестница?

— Что с ней?

— Стала короче.

Майра обернулась.

— Значит, мне не кажется.

— Нет.

— Вы говорите об этом слишком спокойно.

— Я последние месяцы стараюсь меньше удивляться.

— А я, судя по всему, только начинаю учиться.

Они поднялись на площадку.

Майра оглянулась.

Лестница опять выглядела обычной.

Нормальной длины.

— Прекрасно, — пробормотала она. — Теперь у меня есть недвижимость, которая экономит постояльцам силы.

— Это удобно.

— Посмотрим, не выставит ли она за это отдельный счёт.

Коридор второго этажа освещали три фонаря. Их тёплый свет ложился на закрытые двери.

Одна оставалась открытой.

Третья.

Именно та самая комната, которая ещё днём показалась Майре больше, чем позволяли размеры коридора.

Она остановилась возле порога.

На двери теперь висела небольшая латунная цифра.

Майра была совершенно уверена, что утром никакой цифры не видела.

— Она появилась недавно? — спросила Флорена.

— Сегодня я готова ответить «да» почти на любой вопрос, начинающийся словами «она появилась».

Флорена не засмеялась.

В комнате уже горел настенный светильник.

Майра вошла первой.

Днём здесь находились кровать, шкаф, небольшой стол и зеркало на стене. Сейчас всё осталось на местах, но комната выглядела иначе.

Чище.

Не идеально. Пыль всё ещё лежала в углах, а на подоконнике виднелась полоска, которую Майра не успела протереть.

Но кровать была застелена.

Майра остановилась.

Белая простыня.

Подушка.

Серое покрывало.

Утром на матрасе не было ничего.

Она подошла к кровати и тронула покрывало.

Чистое.

— Я этого не делала.

Флорена поставила сумку.

— Я понимаю.

— Мне бы очень помогло, если бы вы перестали понимать происходящее лучше хозяйки.

— Простите.

Майра выпрямилась.

— Вы уже второй раз извиняетесь за вещи, в которых не виноваты.

Флорена словно хотела что-то ответить, но передумала.

Её взгляд скользнул к зеркалу.

И женщина сразу отвернулась.

Майра заметила.

— Что?

— Ничего.

— Там обычное зеркало.

— Я вижу.

Ответ прозвучал странно.

Майра подошла ближе.

Зеркало было высоким, в простой тёмной раме. Старое стекло слегка искажало края изображения, но в остальном ничего необычного.

В отражении стояла сама Майра.

Позади — кровать.

Окно.

Открытый шкаф.

Флорена возле стола.

Майра моргнула.

Посмотрела прямо на женщину.

Флорена стояла в двух шагах от неё.

Серый плащ.

Тёмное платье.

Расстёгнутый ворот.

Сумка у ног.

Майра снова посмотрела в зеркало.

Платье отражалось.

Плащ отражался.

За ними виднелся край стола.

Лица не было.

Не туманное пятно.

Не пустой силуэт.

В том месте, где должны были отражаться голова и шея Флорены, Майра видела стену комнаты.

Она сделала шаг в сторону.

Изображение изменилось вместе с ней.

Флорена — нет.

Точнее, сама Флорена стояла на месте, но зеркало упорно вело себя так, словно женщины там не существовало.

— Подойдите ближе, — попросила Майра.

Флорена закрыла глаза.

— Не нужно.

— Я не собираюсь вас заставлять. Мне просто надо понять…

— Оно ничего не покажет.

Майра повернулась к ней.

Флорена медленно сняла плащ.

— Уже почти четыре месяца.

В зеркале серый плащ исчез из воздуха, когда женщина положила его на стул, и тут же появился в отражении, едва перестал касаться её руки.

Майра почувствовала неприятный холод между лопатками.

— Во всех зеркалах?

— Во всех.

— Даже в маленьких?

— В любых.

— В оконном стекле?

— Когда темно — тоже.

— В воде?

Флорена посмотрела на неё.

— Вы всегда задаёте столько вопросов?

— Когда человек исчезает из зеркала в моей первой оплаченной комнате, мне кажется это оправданным.

Флорена опустила глаза.

— Простите.

— Вот опять.

Женщина слабо улыбнулась.

Майра подошла к зеркалу и провела пальцем по поверхности.

Обычное стекло.

Холодное.

Никаких знаков.

— Вы знаете, почему это произошло?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Сначала я думала, что виновато зеркало дома. Купила другое. Потом ходила в лавки, где их продают. Потом просила знакомых посмотреть.

— Они тоже вас не видят?

Флорена кивнула.

— Никто.

— А одежду?

— Пока она на мне — иногда да, иногда только часть. Но лица нет никогда.

Майра снова взглянула на отражение.

Теперь Флорена стояла прямо за её плечом.

В зеркале Майра была одна.

От этой картины становилось не по себе гораздо сильнее, чем от самозажигающихся фонарей.

— И поэтому вы пришли сюда?

— Я слышала о доме на Семи Фонарях.

— От кого?

— От старой клиентки. Давно. Я тогда не поверила.

— Что именно она рассказывала?

Флорена села на край кровати.

— Что когда-то здесь принимали людей, которым больше некуда было идти. Не бедных и не бездомных. Других.

— Каких?

— С которыми происходило то, чему никто не мог найти объяснение.

Майра прислонилась бедром к столу.

— И дом им помогал?

— Она сказала, что иногда.

— Очень обнадёживающая история.

— Я тоже так подумала.

— А потом перестали отражаться.

Флорена кивнула.

— Я пришла сюда неделю назад. Дом был закрыт.

— Почему сегодня снова пришли?

— Я не собиралась.

— Тогда почему вы здесь?

Женщина нахмурилась.

— После работы я пошла домой другой дорогой. Просто захотелось пройти через старый сад. Когда вышла к вашей улице, увидела, что горят фонари.

— Уличные?

— Все семь.

Майра вспомнила название улицы.

Семь Фонарей.

— И это что-то означает?

— Та женщина говорила: если пансион снова откроется, на улице зажгутся все семь старых фонарей. Даже те, которые давно не работают.

Майра вспомнила вечернюю дорогу перед домом.

Она не смотрела.

У неё было достаточно собственных фонарей.

— Значит, вы увидели свет и решили войти.

— Я увидела ещё вывеску.

— Которая появилась примерно в то же время.

— Поэтому и боялась не успеть.

— К чему?

Флорена посмотрела на открытую дверь комнаты.

— Если дом выбирает постояльца, комната открывается только один раз.

Майра медленно выпрямилась.

— Откуда вы это знаете?

— Из той же истории.

— А что будет, если человек не войдёт?

— Не знаю.

Это прозвучало честно.

Майра не любила ответы «не знаю», но сегодня они были почти утешительными. Значит, хотя бы не все вокруг владели инструкцией к её собственности.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда пока будем исходить из того, что у нас есть одна ночь, одна комната и одно зеркало с очень плохими манерами.

Флорена посмотрела на неё чуть внимательнее.

— Вы совсем не боитесь?

Майра задумалась.

— Боюсь.

Женщина явно ожидала другого ответа.

— Правда?

— Разумеется. Я купила дом вчера, а сегодня он сам открыл пансион, выбрал клиента и перестроил лестницу. Если завтра окажется, что под кухней живёт хор мышей, умеющих вести бухгалтерию, я даже не удивлюсь.

Флорена засмеялась.

Негромко, но по-настоящему.

И в ту же секунду где-то внизу раздался глубокий гул.

Обе замолчали.

— Это что? — спросила Флорена.

Майра прислушалась.

Звук повторился.

Не удар.

Не скрип.

Что-то вроде тихого вздоха в дымоходе.

— Если судить по направлению, гостиная.

Они спустились.

Лестница на этот раз снова была длинной.

— Он издевается, — решила Майра.

— Кто?

— Дом.

— Может быть, ему просто показалось, что нам нужно быстрее подняться.

— Очень заботливо с его стороны. Следующим шагом будет самостоятельно назначить цену за комнаты.

В гостиной их встретил огонь.

Камин, который ещё утром был холодным и полным старой золы, теперь горел.

Не яростно, не опасно.

Обычные поленья потрескивали, отбрасывая тёплые блики на очищенный пол.

Майра подошла ближе.

— Я сегодня его не растапливала.

Флорена протянула ладони к теплу.

— Хорошо.

— Что именно?

— Здесь тепло.

В её голосе появилась такая простая благодарность, что Майра перестала искать объяснение.

Флорена сняла промокшую обувь возле двери и устроилась в одном из кресел, которое Клара успела очистить. Майра принесла второе.

Первые несколько минут они просто сидели возле огня.

Ничего не происходило.

И именно это оказалось неожиданно приятным.

За окнами быстро темнело. Иногда с карниза падали оставшиеся после дождя капли. В доме ещё пахло пылью, древесиной и немного сыростью, но камин постепенно добавлял запах тепла и дыма.

Флорена расслабилась.

Сначала совсем чуть-чуть.

Опустила плечи.

Перестала держать руки сцепленными на коленях.

Майра поймала себя на мысли, что камин стал гореть ярче.

Она нахмурилась.

Флорена заметила.

— Что?

— Ничего.

Майра подождала.

Разговор оборвался.

Женщина снова напряглась.

Огонь стал слабее.

Майра посмотрела на него.

Потом на Флорену.

— Скажите что-нибудь приятное.

— Что?

— Любое.

— Зачем?

— Эксперимент.

Флорена задумалась.

— Здесь хороший камин.

Пламя не изменилось.

— Ещё.

— У вас красивый дом.

Ничего.

— Это вы уже говорили.

— У вас очень… настойчивая крыша.

Майра фыркнула.

Флорена рассмеялась.

Пламя вспыхнуло выше.

Они обе посмотрели на камин.

— Вот теперь это становится личным, — сказала Майра.

Флорена продолжала улыбаться.

Огонь горел ровно и ярко.

Майра откинулась на спинку кресла.

— Значит, лестница заботится о ногах, фонари о свете, а камин следит, чтобы гости не слишком страдали.

— Вам это не нравится?

— Мне не нравится, когда моя собственность проявляет инициативу раньше, чем я успеваю понять, зачем она мне вообще нужна.

Живот Флорены тихо урчал.

Женщина смутилась.

Майра поднялась.

— Вот с этим хотя бы всё понятно.

— Я не голодна.

— Конечно.

— Правда.

— Я слышала обратное.

— Мне неудобно.

— Вы заплатили полкроны. За такие деньги в заведении с дырявой крышей ужин должен входить в стоимость.

— Майра…

— Идёмте.

На кухне было темнее, чем в гостиной. Два фонаря зажглись сразу, едва женщины вошли.

Майра уже почти не отреагировала.

— Быстро привыкаю к роскоши.

Она открыла первый кухонный шкаф.

Три тарелки.

Ложка.

Чашка без ручки.

Как и днём.

— Ничего нового.

Флорена посмотрела на массивную дверь кладовой.

— А там?

— Не знаю.

— Вы не смотрели?

— Я купила дом вчера.

— Точно.

Майра открыла кладовую.

И остановилась.

Днём она заглядывала внутрь мельком. Помещение было пустым, если не считать двух деревянных полок и корзины без дна.

Теперь на средней полке лежали четыре картофелины.

Рядом — две луковицы.

Ниже стояла небольшая банка сливок.

На крючке висела связка сушёных трав.

А в корзине обнаружились два яблока и маленькая буханка хлеба.

Майра взяла картофелину.

Настоящая.

Не старая.

Не проросшая.

Обычная хорошая картофелина.

— Они ваши? — спросила она.

— Нет.

— Может быть, Клара принесла.
— Все четыре картофелины?
— У неё своеобразное чувство заботы.
Майра достала остальные продукты.
На самом дальнем краю полки стоял небольшой кусок сыра.
Она медленно повернулась к Флорене.
— Что вы обычно едите вечером?
— По-разному.
— Если бы могли выбрать сейчас?
Флорена задумалась.
— Что-нибудь простое. Тёплое.
— Например?
— Картофель. Лук. Немного сливок. Можно было бы сделать густой суп.
Майра посмотрела на продукты.
Флорена тоже.
— Нет, — сказала Майра.
— Что?
— Я отказываюсь считать это нормальным.
— Я ничего не говорила.
— Именно. Ваше молчание слишком выразительное.
Они приготовили ужин вместе.
Флорена оказалась удивительно ловкой с ножом, хотя сразу предупредила, что готовит редко. Майра нашла кастрюлю, после нескольких попыток заставила кухонную плиту работать и выяснила, что одна из дверец печи закрывается только в том случае, если её сначала приподнять, а потом толкнуть коленом.
— Нужно будет записать, — сказала она.
— Что?
— Всё, что в доме требует особого обращения.
— Лестницу тоже?
— Для лестницы заведу отдельную книгу претензий.
Флорена улыбнулась.
Ужин получился лучше, чем Майра ожидала.
Они ели на кухне, потому что не хотелось переносить тарелки в гостиную, а после долгого дня кухонный стол казался не хуже любого обеденного.
Флорена сначала брала хлеб маленькими кусочками.
Очень аккуратно.
Словно боялась съесть лишнее.
Майра заметила, но ничего не сказала.
— Вы давно шьёте? — спросила она.
— С шестнадцати лет.
— Любите?
Флорена поднесла ложку ко рту, потом опустила.
— Я хорошо это делаю.
— Я спросила другое.
Женщина провела пальцем по краю тарелки.
— Обычно люди спрашивают, хорошо ли я шью.
— Мне пока ничего шить не нужно.
Майра оглянулась на окно.
— Хотя, если посмотреть на шторы, это временно.

Старая ткань действительно висела настолько печально, будто последние годы тоже провела в размышлениях о неправильных жизненных решениях.

— Я могу помочь, — сказала Флорена.

— За деньги.

— Не обязательно.

— Обязательно. Иначе я буду чувствовать, что использую постояльцев как работников.

— А вы собираетесь брать с них деньги?

— Полкроны.

— Тогда баланс почти восстановлен.

Майра улыбнулась.

— Вы ушли от ответа.

— Какого?

— Любите ли шить.

Флорена долго смотрела в тарелку.

— Не знаю.

Вот теперь это «не знаю» прозвучало иначе.

Майра не стала продолжать.

После ужина Флорена настояла на том, чтобы вымыть посуду. Майра возражала ровно до того момента, пока не вспомнила, сколько ещё дел ждёт её завтра, после чего решила, что уважение к самостоятельности постояльцев тоже является достойным качеством хозяйки.

Она вернулась в холл.

На стойке по-прежнему лежала первая заработанная монета.

Рядом с ней — кучка старых бумаг, которую Майра вытащила днём из нижнего ящика.

Нужно было проверить документы дома.

Хотя бы понять, кто управлял пансионом раньше.

Она перенесла бумаги в маленькую комнату за стойкой, которую условно назначила своим будущим кабинетом.

Там стоял письменный стол.

Старый, тяжёлый, с множеством ящиков.

Майра открыла первый.

Пусто.

Второй.

Несколько перьев, давно высохшая чернильница, пачка пожелтевших квитанций.

Третий заело.

— Ну разумеется.

После сегодняшних шкафов она уже не ожидала от мебели сотрудничества.

Майра потянула сильнее.

Ящик не открылся.

— Послушай, — сказала она столу, — у меня был очень сложный день. Я не собираюсь выяснять отношения ещё и с тобой.

Из кухни донёсся голос Флорены:

— Вы опять разговариваете с домом?

— Пока только с мебелью!

— Помогает?

— Узнаю через минуту.

Майра ещё раз потянула.

Ничего.

Она присела и заглянула снизу.

Под столешницей виднелась тонкая деревянная планка.

Майра нажала на неё.
Внутри что-то щёлкнуло.
Но открылся не ящик.
На боковой стенке стола выступила узкая панель.
Майра замерла.
— Конечно.
Тайник.
Почему бы и нет.
В доме, где лестницы меняют длину, тайный отсек в письменном столе выглядел почти скучно.
Она потянула панель.
Внутри лежала книга.
Толстая, в потёртом коричневом переплёте.
Без названия.
Майра осторожно достала её.
Пыль отсутствовала.
Это сразу насторожило.
Всё в доме было покрыто пылью.
Книга — нет.
Она открыла обложку.
На первой странице стояла дата.
Почти сорок лет назад.
Ниже — имя:
«Эллара Норн, хозяйка пансиона».
Майра перелистнула страницу.
Почерк был крупным, уверенным.
Первая строка занимала почти половину листа.
«Этот дом не снимает проклятия. Он возвращает человеку право выбирать».
Майра перечитала.
Потом ещё раз.
Из кухни перестала доноситься вода.
— Флорена?
— Да?
— Подойдите, пожалуйста.
Через несколько секунд женщина появилась в дверях.
Майра повернула книгу к ней.
— Вы знаете это имя?
Флорена прочитала.
— Эллара Норн?
— Да.
Женщина покачала головой.
Майра указала на первую строку.
Флорена прочла её.
Лицо изменилось почти сразу.
Она села на стул напротив.
— Значит, всё-таки правда.
— Что именно?
— Что этот дом предназначен для таких, как я.
— Мы пока не знаем, для каких именно «таких».

Майра перелистнула страницу.

Дальше шли записи, но они оказались странно короткими.

Имена.

Номера комнат.

Иногда одно или два предложения.

«Арвен Браун. Комната 7. Пришёл, потому что не мог покинуть город, хотя ворота были открыты».

«Селина Вард. Комната 5. Каждый раз говорила то, что от неё хотели услышать».

«Мирек Осс. Комната 2. Забыл собственное имя, но помнил имена всех, кому был должен».

Майра перевернула ещё несколько страниц.

— Это не список болезней.

Флорена посмотрела на неё.

— А чего?

— Не знаю. Похоже на последствия.

— Последствия чего?

Майра вернулась к первой строке.

Права выбирать.

— Возможно, решений.

Флорена опустила взгляд на свои руки.

Майра закрыла книгу.

— Расскажите, когда всё началось.

— Я уже говорила. Четыре месяца назад.

— Что произошло в тот день?

— Ничего.

— Совсем?

— Я работала.

— Для кого?

— Для госпожи Арделл.

— Что шили?

Флорена слегка нахмурилась.

— Платье.

— Какое?

— Для приёма.

— Оно вам нравилось?

Женщина замешкалась.

— Это не имеет значения.

Майра посмотрела на неё.

— Возможно, именно это и имеет.

Флорена встала.

Прошла к окну.

В стекле уже отражалась тёмная комната.

Стол.

Майра.

Пустое место рядом с окном.

Флорена смотрела на него.

— Я никогда не выбираю ткань, — тихо сказала она.

Майра ничего не ответила.

— Клиентка приходит и говорит, чего хочет. Цвет. Покрой. Отделку. Я делаю.

— Это работа.

— Да.

— В этом нет ничего странного.

— Нет.

Флорена повернулась.

— Только я и себе никогда ничего не выбираю.

Майра чуть нахмурилась.

— В каком смысле?

— Мать решила, что я буду швеёй. У неё была мастерская. Она говорила, что у меня хорошие руки и глупо искать другую жизнь. Я согласилась.

Она присела на край стула.

— Когда мне было двадцать три, один человек предложил мне уехать с ним в другой город. Я отказалась, потому что мать сказала, что мастерская останется без помощи.

Майра слушала.

— Потом мастерскую продали. Я пошла работать к другой портнихе. Она сказала, что мне лучше заниматься дорогими платьями, потому что за них больше платят. Я согласилась.

Флорена улыбнулась.

Грустно.

— Потом хозяйка решила, что мне лучше принимать постоянных клиентов. Потом клиенты решили, какие часы им удобны. Потом одна родственница сказала, что мне стоит снять комнату ближе к мастерской. Я сняла. Другая сказала, что женщине моего возраста не идут яркие цвета. Я перестала их носить.

Майра посмотрела на её серое платье.

— Вам сколько лет?

— Сорок один.

— И кто решил, что после сорока человеку нельзя носить яркие цвета?

— Уже не помню.

— Очень убедительный совет.

Флорена тихо рассмеялась, но быстро стала серьёзной.

— Четыре месяца назад госпожа Арделл заказала платье.

— То самое?

— Да. Я предложила синий цвет. Она посмотрела на меня так, будто я сказала что-то совершенно нелепое. Сказала: «Вы швея, Флорена. Ваша задача — сшить то, что я выбрала».

Майра почувствовала неприятную узнаваемость этих слов.

Разумный выбор.

Хорошая будущая жена.

Не создаёт проблем.

— Что было потом?

— Я вернулась домой. Сняла платье. Подошла к зеркалу.

Флорена посмотрела на пустое место в оконном отражении.

— Меня там не было.

Несколько секунд в комнате было слышно только камин из гостиной.

— Вы испугались?

— Сначала решила, что сошла с ума. Потом нашла другое зеркало.

— А потом?

— Потом ещё одно.

— И с тех пор ничего не изменилось.

— Нет.

Майра открыла книгу.

Первая строка смотрела на неё с пожелтевшей страницы.

Дом не снимает проклятия.

Он возвращает человеку право выбирать.

— Флорена.

— Да?

— Что вы хотите?

Женщина растерялась.

— Сейчас?

— Да.

— Я не понимаю.

— Это простой вопрос.

— Мне нужно переночевать.

— Это необходимость. А чего вы хотите?

— Чтобы всё стало как раньше.

— Хорошо. Кроме этого.

Флорена открыла рот.

Закрыла.

Майра подождала.

— Не знаю.

— Что хотите есть завтра утром?

— Мне всё равно.

— Какой цвет вам нравится?

— Я работаю со всеми.

— Это не ответ.

Флорена начала раздражаться.

— А почему я должна немедленно отвечать на какие-то странные вопросы?

— Не должны.

Женщина замолчала.

Майра закрыла книгу.

— Вот в этом, кажется, и смысл.

— В чём?

— Вы всё время отвечаете так, будто существует правильный ответ, который от вас ждут.

Флорена посмотрела на неё с обидой.

— Вам легко говорить.

— Почему?

— Вы купили дом.

Майра чуть не рассмеялась.

— Четыре дня назад мой жених сообщил, что женится на другой женщине, потому что её семья выгоднее моей.

Флорена застыла.

Майра сама удивилась тому, насколько спокойно произнесла это вслух.

— Простите.

— Не нужно. Он хотя бы впервые заставил меня задуматься о собственных решениях.

Она провела рукой по переплёту книги.

— Последние годы я тоже многое делала, потому что так было разумно. Отказалась от работы. Отложила свои планы. Собиралась войти в чужую семью и стать частью чужого дела. Мне казалось, что это и есть взрослая жизнь.

Флорена слушала.

— Вчера я купила этот пансион.

— Потому что этого хотели вы?

Майра задумалась.

— Пожалуй, впервые за долгое время я хотя бы не могу обвинить в этом никого другого.

Флорена улыбнулась.

— Даже если крыша рухнет?

— Особенно если крыша рухнет.

Из гостиной громко треснуло полено.

Обе посмотрели в сторону двери.

— Камин согласен, — сказала Флорена.

— Камин сегодня слишком разговорчивый.

Они вернулись в гостиную.

Огонь снова разгорелся ярче, когда Флорена устроилась в кресле.

Майра положила книгу прежней хозяйки на стол.

— Я прочту её завтра.

— Почему не сейчас?

— Потому что если сегодня узнаю ещё хоть одну особенность этого дома, мне придётся начать брать с него арендную плату.

Флорена рассмеялась.

Они просидели возле камина ещё около часа.

Разговор больше не касался зеркал.

Флорена рассказывала о мастерской. О клиентках, способных полчаса спорить из-за одного оттенка зелёного. О женщине, которая однажды требовала сделать платье «богатым, но скромным, заметным, но незаметным и обязательно таким, какого ни у кого нет, однако все сразу должны понять, что оно модное».

Майра смеялась.

Потом рассказала о господине Вейре и его способности продавать недвижимость так, что покупателю хотелось уйти ещё до осмотра.

К полуночи дом почти перестал казаться чужим.

Не своим.

До этого было ещё далеко.

Но уже не чужим.

Когда Флорена поднялась в комнату, Майра проводила её до лестницы.

На этот раз ступеней оказалось ровно столько, сколько утром.

— Значит, сейчас нам не спешить, — заключила Майра.

Флорена задержалась на первой ступени.

— Майра.

— Что?

— Спасибо.

— Вы заплатили.

— Не за это.

Майра поняла, но сделала вид, что нет.

— Спокойной ночи.

Она осталась в гостиной.

Возвращаться к Кларе уже не имело смысла, поэтому Майра нашла в одной из комнат старое, но чистое после долгой встряски покрывало и устроилась на диване.

Перед тем как погасить фонарь, она ещё раз посмотрела на книгу Эллары Норн.

«Этот дом не снимает проклятия. Он возвращает человеку право выбирать».

Майре эта фраза не нравилась.

Слишком красиво для инструкции.

И слишком неудобно для хозяйки, которая предпочла бы что-нибудь вроде: «Если загорается синий свет — откройте окно».

Она закрыла книгу.

— Завтра, — сказала дому.

Фонарь возле лестницы погас сам.

— Хоть в чём-то мы договорились.

Майру разбудил запах свежего хлеба.

Сначала она решила, что Клара пришла раньше неё.

Потом вспомнила, что спала в гостиной собственного пансиона.

Она села на диване.

За окнами светало.

Камин почти погас, но в углях ещё сохранялось тепло.

Из кухни донёсся стук.

Майра поднялась.

Флорена стояла возле стола.

На ней было вчерашнее серое платье, но волосы женщина распустила и заново собрала проще, чем вечером.

На столе лежал хлеб.

Свежий.

Рядом — масло и несколько яиц.

Майра посмотрела на продукты.

Потом на Флорену.

— Только не говорите, что сходили в лавку.

— Я проснулась десять минут назад.

— Значит, кладовая.

Флорена кивнула.

— Я открыла дверь. Всё уже было там.

— Что вы хотели на завтрак?

Флорена помолчала.

— Яйца и хлеб.

Майра медленно повернулась к кладовой.

— Очень удобно.

— Вас это всё ещё раздражает?

— Меня раздражает, что дом ведёт хозяйство лучше меня.

Флорена улыбнулась.

— Возможно, он помогает.

— Именно так начинаются все истории, после которых собственник обнаруживает, что больше ничем не управляет.

Они приготовили завтрак.

Майра поставила на стол две чашки. Одна была той самой, без ручки.

— Выбирайте.

Флорена посмотрела на чашки.

— Мне всё равно.

Майра подняла глаза.

Женщина заметила.

— Хорошо.

Она взяла чашку без ручки.

— Почему эту?
— Потому что другая красивее.
— Это причина выбрать худшую.
— Мне нравится эта.
— Почему?
Флорена провела пальцем по сколу.
— Она смешная.
Майра улыбнулась.
— Уже что-то.
После завтрака Флорена поднялась за сумкой.
Через несколько минут сверху донёсся её голос:
— Майра!
Тон заставил Майру сразу отложить полотенце.
Она поднялась.
Лестница снова сократилась.
На этот раз Майра не стала даже останавливаться.
— Спасибо, — бросила она дому на ходу.
В комнате номер три Флорена стояла перед зеркалом.
— Что произошло?
— Посмотрите.
Майра подошла.
Сначала не увидела разницы.
Зеркало отражало кровать.
Стол.
Окно.
Майру.
Рядом с ней — серое платье Флорены.
Плечи.
Шея.
На месте лица всё ещё была стена.
Но теперь в стекле виднелась тонкая тень.
Не черты.
Не полноценное отражение.
Только смутный овал там, где вчера не было ничего.
— Этого раньше не было? — спросила Майра.
Флорена покачала головой.
— Никогда.
Она осторожно подняла руку.
Тень в зеркале повторила движение.
Флорена тихо вдохнула.
Майра вспомнила чашку без ручки.
Глупость.
Совпадение.
Возможно.
Но впервые за четыре месяца женщина выбрала что-то просто потому, что ей это понравилось.
Не полезное.
Не правильное.
Даже не самое хорошее.

Ей понравилась смешная чашка.

— Сегодня не уходите, — сказала Майра.

Флорена повернулась.

— Но я просила одну ночь.

— Значит, изменили решение.

— Я не могу просто…

Она остановилась.

Майра ждала.

Флорена посмотрела в зеркало.

Потом на неё.

— Я хочу остаться ещё на день.

Майра улыбнулась.

— Вот теперь правильно.

— Сколько я должна?

— Ещё полкроны.

— Вы быстро осваиваете профессию хозяйки.

— Дом сам кормит постояльцев. У меня есть серьёзные преимущества перед конкурентами.

Они спустились вниз.

Майра только успела поставить книгу Эллары Норн на стойку, когда в дверь постучали.

Не так, как ночью.

Три коротких официальных удара.

Она открыла.

На крыльце стоял молодой мужчина в серо-синем городском мундире. Под мышкой он держал кожаную папку.

— Госпожа Майра Элден?

— Да.

— Владелица здания на улице Семи Фонарей, семнадцать?

— С вчерашнего дня.

— Тогда распишитесь.

Он протянул ей лист.

Майра взяла.

На верхнем краю стояла большая печать.

Королевская палата магических аномалий.

Она перечитала название.

Потом текст.

Ещё раз.

— Это ошибка.

Посыльный пожал плечами.

— Я только доставляю.

— Здесь написано, что мой пансион признан потенциально опасной магической аномалией.

— Значит, так и есть.

— На каком основании?

— В документе должно быть указано.

Майра быстро нашла нужную строку.

«Зафиксирована самопроизвольная активация ранее не действовавшего объекта, сопровождаемая изменением внутренней пространственной структуры и проявлением автономных магических функций».

Она подняла голову.
— Кто это зафиксировал?
— Палата.
— Каким образом?
— Не знаю.
— Когда?
Посыльный посмотрел на бумагу.
— Сегодня в четыре часа двенадцать минут утра.
Майра посмотрела в сторону лестницы.
В четыре часа двенадцать минут она спала на диване.
— И что теперь?
— Осмотр.
— Когда?
Мужчина перевернул последний лист.
— Сегодня.
— Сегодня когда?
— Здесь написано: до полудня.
Майра медленно опустила бумаги.
— Сейчас сколько?
— Почти девять.
— То есть Королевская палата решила дать мне три часа на подготовку к осмотру здания, которое я купила вчера?
Посыльный подумал.
— Если считать с момента доставки — да.
— Очень любезно.
— Я передам.
— Не надо.
Мужчина явно обрадовался.
Майра посмотрела на подпись внизу.
Часть имени скрывала печать.
Выше стояла должность:
«Глава Королевской палаты магических аномалий».
— Он сам придёт?
— Обычно такими объектами занимаются инспекторы.
— Но?
Посыльный снова посмотрел на документ.
— Здесь стоит личная отметка главы Палаты.
Это почему-то прозвучало хуже.
— Что она означает?
— Что осмотр будет проводить он.
Майра вернула мужчине перо.
— Прекрасно.
Посыльный ушёл.
Майра закрыла дверь.
Флорена стояла возле стойки и выглядела виноватой.
— Это из-за меня?
— Если вы способны управлять Королевской палатой, могли хотя бы предупредить.
— Я серьёзно.
— Я тоже.

Майра разложила документ на стойке.

Три часа.

За три часа ей нужно было превратить дом, который вчера самовольно открылся для постояльцев, в место, не похожее на опасную магическую аномалию.

Она посмотрела на фонарь.

— Слушай внимательно. Сегодня никаких сюрпризов.

Фонарь не отреагировал.

— Лестница нормальной длины.

Тишина.

— Двери открываются только руками.

Ничего.

— Кладовая…

Майра задумалась.

— Кладовую можешь оставить.

Флорена засмеялась.

Следующие два часа они убирали.

Теперь это происходило значительно быстрее.

Флорена оказалась прекрасным помощником. Она умела складывать ткань так, что даже старые занавеси выглядели почти прилично, моментально обнаружила, какое кресло лучше переставить к окну, и за десять минут закрепила разошедшийся шов на диванной подушке.

— Вы точно уверены, что не любите шить? — спросила Майра.

Флорена не перестала работать.

— Я сказала, что не знаю.

— Разница есть.

— Большая.

Они переглянулись.

Флорена улыбнулась.

К одиннадцати первый этаж выглядел так, словно здесь действительно можно принимать людей.

Если люди не слишком придирчивы.

И не проверяют крышу.

Майра поднялась переодеться в одну из свободных комнат. Выбор одежды занял меньше минуты. Простое тёмно-зелёное платье, в котором удобно двигаться и которое не жалко испачкать.

Она уже собиралась выйти, когда увидела Флорену возле окна в коридоре.

Та держала в руках кусок ткани.

Ярко-синей.

— Где вы это нашли?

— В одном из шкафов.

— Их полезность наконец доказана.

Флорена провела тканью между пальцев.

— Красивый цвет.

— Очень.

— Мне всегда нравился.

Майра посмотрела на её серое платье.

Флорена заметила этот взгляд.

— Я знаю.

— Что будете делать с тканью?

Женщина задумалась.

На этот раз совсем недолго.

— Воротник.

— Себе?

Флорена кивнула.

— Себе.

Они спустились вместе.

Когда проходили мимо зеркала в холле, Майра увидела её отражение краем глаза.

Остановилась.

Флорена тоже.

В стекле теперь были видны подбородок и линия губ.

Женщина медленно приблизилась.

Подняла руку к лицу.

Отражение повторило движение.

Глаз всё ещё не было.

Лба тоже.

Но половина лица вернулась.

Флорена закрыла рот ладонью.

На этот раз Майра ничего не сказала.

Некоторые моменты становились меньше, если попытаться немедленно объяснить их словами.

Дом тоже молчал.

Даже камин горел ровно.

Через несколько минут Флорена ушла наверх работать с найденной тканью, а Майра снова открыла книгу Эллары Норн.

Теперь первая фраза выглядела значительно менее красивой и значительно более похожей на инструкцию.

Дом не снимал проклятия.

Он создавал условия, в которых человек делал то, чего давно не позволял себе.

Выбирал.

Майра провела пальцем по строке.

Если она правильно понимала, Флорене никто не мог просто вернуть отражение.

Она должна была сделать что-то сама.

Возможно, много раз.

И каждый раз маленькая часть возвращалась.

Это было одновременно проще и сложнее любого волшебства.

Снаружи послышался шум колёс.

Майра посмотрела на часы.

Без четверти двенадцать.

Рано.

Или глава Королевской палаты любил прибывать заранее.

Она подошла к окну.

По улице медленно двигалась карета.

Чёрная.

Без украшений.

Только на дверце блестел серебряный герб: круг, пересечённый тремя тонкими линиями.

Карета остановилась возле ворот.

Кучер спрыгнул с козел.

Флорена появилась на лестнице.

— Это он?

— Если нет, то день становится ещё интереснее.
Дверца кареты открылась.
Сначала на землю опустилась мужская рука в чёрной перчатке.
Потом показался высокий мужчина в тёмном сюртуке.
Он поднял голову.
Посмотрел на пансион.
Затем — прямо на окно, за которым стояла Майра.
Даже через стекло было видно, что улыбаться этот человек не собирался.
Майра опустила взгляд на официальный документ в своей руке.
«Потенциально опасная магическая аномалия».
Потом посмотрела на самозажигающийся фонарь над воротами.
Тот как раз вспыхнул особенно ярко.
— Даже не думай, — тихо предупредила она дом.
Во дворе щёлкнула калитка.
Глава Королевской палаты магических аномалий вошёл на территорию пансиона.

Глава 3. Герцог требует выселения

Мужчина прошёл от калитки к крыльцу без спешки, но Майре почему-то сразу стало понятно: он из тех людей, которым редко приходится ждать, пока окружающие освободят дорогу.

Высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке без лишней отделки, он мало походил на чиновника, каким Майра представляла главу Королевской палаты магических аномалий. Никаких папок под мышкой, россыпи печатей на груди или двух перепуганных помощников следом. Только тонкая кожаная сумка в левой руке, чёрные перчатки и серебряный знак Палаты на воротнике.

Чёрные волосы были коротко подстрижены, черты лица — слишком строгими для человека, которого природа собиралась сделать располагающим к себе. Майра решила, что ему немного за тридцать. Он не хмурился, не демонстрировал недовольства и всё же выглядел так, будто ещё до входа успел обнаружить в пансионе несколько нарушений.

Возле крыльца мужчина остановился.

Взглянул на вывеску.

«ПАНСИОН ОТКРЫТ. ХОЗЯЙКА НАЙДЕНА».

Потом посмотрел на светящийся фонарь.

Майра, стоявшая за окном, уже знала этот фонарь достаточно хорошо, чтобы заметить: обычно ровный огонь в нём почему-то вытянулся вверх.

— Я же просила, — пробормотала она.

— Что? — спросила Флорена с лестницы.

— Ничего. Кажется, у нас начинаются разногласия по вопросу хорошего поведения.

Она положила книгу Эллары Норн под стойку. Прятать её не собиралась, но и вручать человеку, который приехал закрывать её дом, прежде чем он успеет представиться, казалось излишним гостеприимством.

В дверь постучали.

На этот раз всего один раз.

Майра открыла.

Мужчина на крыльце перевёл взгляд с неё на холл, словно за несколько секунд успел оценить расстояние до лестницы, расположение окон и состояние потолка.

— Майра Элден?

— Если вы приехали выселять хозяйку, то да.

Его глаза остановились на её лице. Серые. Спокойные.

— Рейнар Дорн. Глава Королевской палаты магических аномалий.

Он назвал титул только после должности, и это Майра почему-то отметила.

— Герцог Дорн?

— Да.

Вот и всё.

Никакого ожидания поклона.

Никакой паузы, в которой собеседница должна была осознать масштаб оказанной ей чести.

Майра немного расстроилась. С человеком, который сразу ведёт себя высокомерно, спорить значительно проще.

— Проходите, герцог.

Он переступил порог.

Дверь за его спиной захлопнулась.

Майра вздрогнула.

Рейнар обернулся.

Флорена на лестнице замерла.

— Сквозняк, — сказала Майра.

Рейнар посмотрел на дверь, потом на окна.

— Все закрыты.

— Старый дом.

— Старый дом не отменяет движение воздуха.

— Вы уже начали осмотр?

— Он начался, когда я вошёл.

Майра подавила желание ответить.

Не из вежливости.

Просто решила, что первые тридцать секунд знакомства — слишком рано для открытого конфликта с человеком, способным официально запретить ей пользоваться собственным зданием.

Рейнар снял перчатки и убрал их в карман.

На правой руке у него было кольцо-печатка с простым гербом: башня над тремя волнистыми линиями.

Он подошёл к стойке.

— Документ получили?

— Если речь о том, где мой дом назван потенциально опасной магической аномалией, то да.

— Хорошо.

— Я бы выбрала другое слово.

— Какое?

Майра задумалась.

— Своенравный.

— Это не официальный термин.

— Очень жаль. Он точнее.

Рейнар посмотрел на неё достаточно долго, чтобы Майра почувствовала: первый вывод о хозяйке уже сделан и, вероятно, не в её пользу.

— Когда активировался объект?

— Вчера вечером.

— Точное время?

— После заката. Часов у крыльца нет.

— Что произошло первым?

Майра указала вверх.

— Зажглись фонари.

— Самостоятельно?

— Если вы не предполагаете, что я вчера вечером научилась зажигать пустые фонари взглядом.

Он никак не отреагировал на тон.

— Дальше.

Майра начала перечислять.

Вывеска.

Изменившаяся надпись.

Приход Флорены.

Самостоятельно открывшаяся третья комната.

Меняющая длину лестница.

Разгоревшийся камин.

Кладовая.

Рейнар не перебивал, только изредка задавал короткие уточняющие вопросы. Чем дольше продолжался разговор, тем сильнее Майру раздражало отсутствие видимой реакции.

К тому моменту, когда она дошла до отражения Флорены, он выглядел ровно так же, как при упоминании самозажигающегося фонаря.

— И это всё? — спросил он.

— Вам мало?

— Я спрашиваю о проявлениях объекта.

— Тогда всё.

Рейнар открыл кожаную сумку и достал небольшой складной прибор из тёмного металла. В центре находился круглый диск, по краям — несколько тонких подвижных пластин.

Майра заинтересованно наклонилась.

— Что это?

— Измеритель пространственного смещения.

— И что он измеряет?

— Пространственное смещение.

Она посмотрела на него.

Он — на неё.

Флорена тихо кашлянула на лестнице, подозрительно похожим образом скрывая смех.

— Понятно, — сказала Майра. — Королевская палата тщательно охраняет профессиональные тайны.

— Прибор показывает, совпадает ли внутренняя структура здания с внешней.

— А если не совпадает?

— Это зависит от степени расхождения.

Рейнар разложил металлические пластины. Диск в центре едва заметно повернулся.

Майра вспомнила третью комнату.

— У меня есть предположение, где вам особенно понравится.

Он поднял взгляд.

— Покажете позже. Сначала мне нужны ответы.

— Я уже отвечаю.

— Не на всё.

— На что ещё?

Рейнар посмотрел на Флорену.

— Вы постоялица?

— Да.

Флорена спустилась ещё на несколько ступеней.

— Флорена Восс.

— Когда заселились?

— Вчера вечером.

— Добровольно?

Флорена явно удивилась.

— Конечно.

— Госпожа Элден не принуждала вас оставаться?

Майра резко посмотрела на него.

— Серьёзно?

Рейнар не отвёл глаз от Флорены.

— Я спрашиваю её.

В его голосе не появилось ни угрозы, ни грубости, однако Майра сразу поняла: перебивать сейчас бесполезно.

Флорена покачала головой.

— Никто меня не принуждал. Я сама попросила комнату.

— Дом воздействовал на ваше решение?

— Я не знаю.

— Почему вы пришли именно сюда?

Флорена рассказала о семи фонарях.

Рейнар слушал внимательнее, чем прежде. При словах о комнате номер три диск в его руке едва заметно дрогнул.

— Мне потребуется осмотреть вашу комнату, — сказал он. — Но только с вашего согласия.

Флорена посмотрела на Майру.

Та ожидала, что герцог просто объявит это распоряжением.

Он ждал.

— Хорошо, — сказала Флорена.

— Если в любой момент захотите прекратить осмотр, скажите.

Майра ещё раз посмотрела на него.

Рейнар заметил.

— Что?

— Ничего.

— Вы уже дважды использовали это слово, когда явно думаете обратное.

— Я начинаю понимать, почему вы возглавляете Палату. Невероятная наблюдательность.

Теперь раздражение всё-таки мелькнуло.

Совсем немного.

Майра испытала совершенно неуместное удовлетворение.

— Госпожа Элден, — сказал он, — я приехал не для словесного состязания.

— А я его не объявляла.

— Тогда постарайтесь отвечать на вопросы без комментариев.

— Постараюсь, если вопросы будут разумными.

Флорена закрыла глаза.

Возможно, мысленно просила пансион предоставить ей другую хозяйку.

Рейнар медленно убрал прибор обратно в сумку.

— Начнём иначе. Вы понимаете, почему я здесь?

— Потому что ваш прибор сообщил, что мой дом решил проснуться в четыре часа двенадцать минут утра.

— Не прибор.

— Тогда кто?

— Сеть наблюдения Палаты зафиксировала всплеск автономной магии.

— В городе следят за каждым домом?

— Нет. Только за объектами, когда-либо признанными потенциально опасными.

Майра замолчала.

Это была новая информация.

И ей совсем не понравилось, что городские документы о продаже о ней умолчали.

— Когда-либо признанными?

— Да.

— Мой пансион уже был в ваших списках?

— Был.

— Почему об этом не было ни слова при продаже?

— Хороший вопрос.

— Я рада, что мы наконец согласились.

— Его следует задать городскому управлению имущества.

Майра вспомнила господина Вейра.

Его «люди говорят всякое».

Его государственную неспособность внести привидений в акт.

Желание немедленно найти чиновника и подробно объяснить ему разницу между слухом и официальной историей опасного объекта стало почти физическим.

— Что значит «был»? — спросила она.

— Пансион наблюдали несколько десятилетий назад. Затем активность полностью прекратилась.

— Почему?

— Неизвестно.

— Что здесь происходило?

— Именно это я собираюсь выяснить.

— У вас нет старых записей?

— Есть.

— И?

Рейнар посмотрел на неё.

— И я не обязан обсуждать внутренние документы Палаты с владельцем объекта до завершения проверки.

— Очень удобно.

— Зато безопасно.

— Для кого?

— Иногда — для самого владельца.

Она хотела ответить, но удержалась.

В его тоне не было попытки напугать.

Это раздражало ещё сильнее.

Было проще считать его бюрократом, приехавшим закрывать то, чего он не понимает. Но человек перед ней, похоже, слишком хорошо понимал, зачем задаёт каждый вопрос.

Рейнар повернулся к холлу.

— Покажите помещение.

— Всё?

— Всё.

— У меня три этажа.

— Я умею ходить по лестницам.

— Не всегда по моим.

Он перевёл взгляд на неё.

— Это была шутка?

— Предупреждение.

Осмотр начался с первого этажа.

Рейнар проверил входную дверь, окна, стены и даже старый камин. Он не бегал с прибором по углам и не произносил загадочных профессиональных слов, чем несколько разрушал представления Майры о серьёзной государственной проверке.

Вместо этого он задавал простые вопросы.

Что изменилось после активации?

Что было здесь вчера утром?

Что появилось само?

Что Майра трогала?

Что трогала Флорена?

Можно ли повторить какое-либо проявление?

Последний вопрос заинтересовал дом.

Когда Рейнар попросил показать, как зажигаются фонари, Майра сложила руки на груди и посмотрела на ближайший.

— Обычно он делает это без приглашения.

Ничего не произошло.

— Попробуйте, — сказал Рейнар.

— Что именно?

— Обратиться к объекту так, как вы это делали раньше.

— Вы предлагаете мне поговорить с домом?

— Вы уже разговаривали с ним?

— Иногда.

— Тогда да.

Майра почувствовала себя нелепо.

Флорена устроилась возле двери гостиной и откровенно ждала представления.

Рейнар стоял с прибором.

Фонарь висел на стене.

— Хорошо, — сказала Майра. — Зажгись.

Ничего.

— Возможно, вежливее.

Она посмотрела на герцога.

— Вы сейчас серьёзно?

— Полностью.

Майра снова повернулась к фонарю.

— Будь добр, зажгись.

Ничего.

— Вчера ты не требовал официального приглашения.

Фонарь вспыхнул.

Флорена прыснула.

Майра закрыла глаза.

— Разумеется.

Рейнар подошёл ближе и поднял прибор.

Подвижные пластины на нём начали расходиться.

— Интересно.

— Наконец-то.

— Вам лучше не радоваться.

— А я и не радуюсь. Просто впервые услышала от вас слово, которое не звучит как часть распоряжения.

Он проигнорировал это.

— Дом отреагировал на эмоционально окрашенное обращение.

— Дом отреагировал, когда решил поставить меня в глупое положение.

— Вы приписываете зданию намерения.

— Оно вчера само открыло пансион.

— Это функция.

— Оно сократило лестницу.

— Пространственная функция.

— Оно выбрало Флорене комнату.

— Пока мы не знаем, что именно произошло.

Майра посмотрела на него.

— Вы умеете превратить любую странность в скучную.

— Это часть моей работы.

— Очень тяжёлая.

Кажется, он чуть сжал челюсть.

Майра решила, что на сегодня достаточно.

Почти.

— Кладовая, — сказала она.

— Что с ней?

— Она даёт продукты.

Рейнар остановился.

— Какие?

Майра перечислила вчерашний ужин и сегодняшний завтрак.

— Вы проверяли происхождение?

— Каким образом?

— Например, не исчезло ли то же самое из соседних домов.

Майра уставилась на него.

Она об этом не подумала.

Рейнар, по всей видимости, понял.

— Именно поэтому проверка необходима.

Это было сказано без превосходства, и Майру почему-то задело сильнее, чем если бы он усмехнулся.

— Я могу спросить соседей.

— Уже отправил человека.

Она медленно повернула голову.

— Когда?

— Перед тем как вошёл.

— Вы заранее предположили, что дом может перемещать вещи?

— Автономные объекты иногда делают это.

— И вы не сочли нужным предупредить меня?

— Теперь сочёл.

— После того как я уже дважды ела то, что появилось неизвестно откуда.

Рейнар посмотрел на неё так, словно собирался сказать что-то очевидное и неприятное.

— Госпожа Элден, когда в вашей пустой кладовой самостоятельно появляется еда, разумнее сначала установить происхождение, а уже потом подавать её на стол.

Флорена кашлянула.

Майра почувствовала, как становится жарко щекам.

— Она выглядела совершенно обычной.

— Большинство опасных вещей не предупреждают табличкой.

— Вы всегда такой успокаивающий?

— Обычно люди предпочитают точность.

— Обычно люди не покупают дом за день до знакомства с вами.

Впервые его губы едва заметно дрогнули.

Не улыбка.

Но что-то очень близкое.

И это раздражило Майру почти так же сильно, как всё остальное.

Они вошли в кладовую.

Полки были пустыми.

Совершенно.

Рейнар осмотрел стены, доски, щели.

— Чего бы вам сейчас хотелось? — спросила Майра.

Он повернулся.

— Что?

— Вчера кладовая дала Флорене именно то, что она хотела съесть.

— Я здесь не для ужина.

— Представьте.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь проверять потенциально опасный механизм, формулируя перед ним личное желание.

Майра приподняла брови.

— Вы боитесь кладовой?

— Я уважаю вещи, которых не понимаю.

Ответ прозвучал так спокойно, что она не нашлась с репликой.

И запомнила его.

Рейнар снова провёл прибором вдоль стены.

— Здесь активность выше.

— Опасная?

— Пока просто выше.

— У вас есть хоть один ответ без слова «пока»?

Он закрыл прибор.

— В работе с аномалиями человек, который слишком быстро становится уверенным, обычно недолго остаётся специалистом.

Майра невольно посмотрела на него внимательнее.

Он стоял боком к ней, изучая полки, и впервые с момента появления выглядел не герцогом и не чиновником.

Просто человеком, привыкшим не доверять собственным первым выводам.

Это ей понравилось.

Совсем немного.

И Майра тут же решила, что это исключительно профессиональное уважение к редкому умению признавать отсутствие ответа.

— Теперь второй этаж, — сказал Рейнар.

Вот и всё уважение.

Вернулась привычка распоряжаться.

— Пойдёмте.

Лестница встретила его нормально.

Майра почти разочаровалась.

Они поднялись на второй этаж без всяких сокращений.

Рейнар считал ступени.

Она заметила это только на последних.

— Двадцать четыре, — сказал он.

— Вчера было меньше.

— Сколько?

— Не считала. Но точно меньше.

— В следующий раз считайте.

— Если дом даст мне время достать бумагу.

Рейнар прошёл по коридору.

Остановился возле комнаты номер три.

Цифра оставалась на двери.

— Здесь?

— Да.

Флорена подошла следом.

Рейнар повернулся к ней.

— Вы всё ещё согласны?

— Да.

Он первым не вошёл.

Отступил, пропуская Флорену.

Только после неё переступил порог.

Майра снова заметила это маленькое движение.

Наверное, так и должен вести себя человек, который действительно занимается опасными вещами, а не просто хочет показать власть.

В комнате ничего не изменилось.

Синяя ткань лежала на столе. Рядом — ножницы и несколько аккуратно сложенных ниток.

Флорена уже успела выкроить воротник.

Рейнар посмотрел на зеркало.

Потом на отражение.

Майра видела момент, когда он понял.

Всего лишь лёгкая остановка взгляда.

— Подойдите ближе, пожалуйста, — сказал он Флорене.

Она встала перед зеркалом.

Теперь отражалась нижняя часть лица.

Подбородок.

Губы.

Щёки примерно до середины.

Выше изображение исчезало.

Рейнар не приблизился к женщине.

Не попытался коснуться её.

Не попросил повторять движения.

— Сколько было видно вчера?

— Ничего.

— Сегодня утром?

— Сначала только тень. Потом подбородок и рот.

— После чего изменилось?

Флорена посмотрела на синюю ткань.

— Я выбрала эту.

Рейнар проследил за её взглядом.

— Ткань?

— Цвет.

— Объясните.

Флорена рассказала.

Не всё, что говорила Майре ночью. Только о том, что привыкла принимать решения по чужим советам и утром впервые сознательно выбрала вещь для себя.

Рейнар выслушал.

— Ещё что-нибудь?

— Чашку.

Он нахмурился.

— Чашку?

Майра вмешалась:

— С отколотой ручкой.

— Почему?

— Потому что она ей понравилась.

Рейнар посмотрел сначала на Майру, потом на Флорену.

— И после этого отражение стало восстанавливаться?

— Похоже на то, — сказала Флорена.

Он приблизился к зеркалу и поднёс прибор к раме.

Пластины раскрылись почти полностью.

— Отойдите от него.

Флорена сразу сделала шаг назад.

Майра осталась.

— Вы тоже.

— Почему?

— Потому что я попросил.

— Это не причина.

Рейнар повернул голову.

— Хорошо. Зеркало содержит устойчивый след воздействия, природу которого я пока не определил. Вы хотите продолжать стоять рядом исключительно для того, чтобы не выполнять мою просьбу?

Майра отошла.

— Когда вы объясняете, с вами значительно проще.

— Запомните это ощущение.

— Не привыкните.

Флорена закрыла рот рукой.

На этот раз скрывать улыбку.

Рейнар продолжил осмотр.

Он проверил раму, стену за зеркалом, пол перед ним.

— Само проклятие возникло не здесь, — сказал наконец.

Флорена напряглась.

— Вы уверены?

— Да. Дом взаимодействует с уже существующим воздействием.

Майра сразу вспомнила книгу.

— Он не снимает его.

Рейнар повернулся.

— Что?

Она замолчала.

Слишком поздно.

— Вы что-то нашли.

Это не был вопрос.

— Возможно.

— Что?

Майра колебалась.

Книга принадлежала дому.

А дом — ей.

Но если Рейнар действительно отвечал за безопасность Флорены, скрывать полезную информацию только потому, что он раздражает, было бы глупо.

Она вышла из комнаты.

— Подождите.

Через несколько минут вернулась с книгой Эллары.

Рейнар взял её осторожно.

Не выхватил.

Не начал листать с середины.

Сначала прочитал имя на первой странице.

— Эллара Норн.

В его голосе что-то изменилось.

Майра услышала.

— Вы знаете её?

— Имя.

— Откуда?

Он перевернул страницу.

Увидел первую строку.

«Этот дом не снимает проклятия. Он возвращает человеку право выбирать».

Рейнар очень долго смотрел на запись.

— Герцог?

Он закрыл книгу.

— Она упоминается в старых материалах Палаты.

— Как хозяйка?

— Да.

— И что ещё там написано?

— Я должен сначала сверить записи.

— Удобно.

— Осторожно.

Майра хотела съязвить, но что-то в его лице остановило её.

Он действительно был озадачен.

Впервые.

— Вы не ожидали найти эту книгу, — сказала она.

— Нет.

— Почему?

— Потому что согласно описи после закрытия пансиона личный архив Эллары Норн не нашли.

Майра посмотрела на книгу.

— Она лежала в столе.

— В обычном ящике?

— В тайнике.

— Который открылся вам.

— После небольшой беседы со столом.

Рейнар поднял глаза.

— Вы разговаривали со столом?

— Он не открывался.

— И?

— Я высказала своё мнение.

Флорена отвернулась к окну.

Рейнар, кажется, очень тщательно выбирал следующую фразу.

— В будущем, прежде чем вступать в переговоры с неизвестным магическим объектом, хотя бы убедитесь, что он не способен отвечать.

— Вы уже нашли здесь что-нибудь, способное причинить вред?

— Осмотр не закончен.

— То есть нет.

— То есть осмотр не закончен.

— Флорене дом помогает.

— Возможно.

— Он кормит нас.

— Это ещё проверяется.

— Сокращает лестницу.

— Изменяет внутреннюю структуру здания без контроля хозяина.

— Зажигает фонари.

— Самостоятельно создаёт огонь.

— Который ничего не поджёг.

— Пока.

Майра закатила глаза.

Рейнар закрыл книгу и протянул ей.

— Вы всё время пытаетесь доказать, что объект безопасен, потому что вам нравятся результаты его действий.

— А вы всё время пытаетесь сделать его опасным, потому что так написано в ваших бумагах.

— Я ничего не пытаюсь сделать. Я собираю факты.

— И какой факт сейчас говорит о необходимости закрывать пансион?

— Уже несколько. Пространственные изменения. Неконтролируемая активация. Воздействие на постоялицу. Самостоятельное создание или перемещение предметов. Неизвестная связь с прежней хозяйкой.

— Флорена пришла по своей воле.

— Я слышал.

— Она может уйти.

— Это ещё следует проверить.

Майра выпрямилась.

— Хотите запереть её снаружи и посмотреть, впустит ли дом обратно?

— Нет.

— Хоть одна разумная новость.

Рейнар медленно выдохнул.

— Госпожа Элден.

— Да?

— Почему вы спорите с каждым моим предложением?

— Потому что пока большая часть ваших предложений сводится к тому, что с моим домом что-то не так.

— С вашим домом очевидно что-то не так.

— С ним что-то необычно.

— В моей работе это часто одно и то же.

— А в моей — нет.

— У вас эта работа второй день.

Майра открыла рот.

И закрыла.

Попал.

Рейнар не улыбнулся.
Это сделало всё ещё хуже.
— Продолжим, — сказал он.
— С удовольствием.
— Я заметил.

Они проверили ещё четыре комнаты.
Ничего.
Пятая была обыкновенной.
Шестая — тоже.
В седьмой заело окно, что Майра с удовлетворением записала в категорию нормальных проблем.
На восьмой дверь не открылась.
Рейнар попробовал ручку.
Заперто.
— Ключ?
— У меня нет.
— Где ключи от комнат?
— За стойкой.
— Там ячеек меньше, чем дверей.
Майра нахмурилась.
Он прав.
Она не считала.
— Может быть, часть потерялась.
— Возможно.
Рейнар отпустил ручку.
Дверь открылась сама.
Майра посмотрела на него.
Он — на неё.
— Я ничего не говорила.
— Я тоже.
Они вошли.
Пустая комната.
Кровать без белья.
Стол.
Шкаф.
Окно.
Рейнар поднял прибор.
Пластины не двинулись.
— Обычная.
— Значит, дом умеет открывать и обычные двери.
— Это не делает функцию безопасной.
— Вы способны испортить даже хорошую новость.
Они вышли.
Дверь закрылась.
Рейнар сделал шаг.
Щёлкнул замок.
Он остановился.

Вернулся.
Попробовал ручку.
Заперто.
— Он вас не любит, — сказала Майра.
— Это здание.
— Скажите ему.
Рейнар посмотрел на стену.
— Если объект способен осознанно различать людей, это значительно повышает степень риска.
— Вот видите? Даже неприязнь к вам вы превращаете в официальный вывод.
Они дошли до конца коридора.
Рейнар поднял прибор.
Диск резко повернулся.
— Не двигайтесь.
Тон изменился настолько, что Майра подчинилась сразу.
Без спора.
Он медленно вытянул руку.
— Что?
— Коридор.
Майра посмотрела вперёд.
Обычный конец.
Окно.
Стена.
— Что с ним?
— Сколько дверей мы прошли?
— Восемь.
— Посмотрите назад.
Она обернулась.
Коридор вытянулся.
Не чуть-чуть.
Не настолько, чтобы можно было решить, будто подвёл глазомер.
Лестница находилась намного дальше, чем минуту назад.
Майра застыла.
Рейнар быстро подошёл к ближайшей двери.
Открыл.
Пустая комната.
Закрыл.
Следующая.
Та же комната.
Он открыл третью.
Снова та же.
Майра подошла ближе.
— Это невозможно.
— Очень полезное наблюдение.
— Сейчас не время язвить.
— Согласен.
Он впервые ответил ей её же тоном.
При других обстоятельствах Майра бы оценила.

Рейнар достал из сумки тонкий шнур с металлическим грузиком на конце. Закрепил его на ручке ближайшей двери и начал отходить.

Шнур вытягивался.

Пять шагов.

Десять.

Пятнадцать.

Коридор становился длиннее вместе с ним.

Майра почувствовала, как неприятно похолодели ладони.

Это уже не удобная лестница.

Не заботливая кладовая.

Дом менял пространство вокруг них и делал это тогда, когда хотел.

Рейнар остановился.

— Госпожа Восс осталась в третьей комнате?

— Нет. Она спустилась вниз.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что если структура продолжит перестраиваться, я не хочу искать постоялицу по этажу.

Он произнёс это совершенно буднично, однако именно сейчас Майра впервые по-настоящему испугалась.

Не за себя.

За Флорену.

За следующего человека, который войдёт сюда ночью.

За возможность, что дверь комнаты однажды окажется не там, где должна.

Рейнар смотрел на диск.

— Когда это происходило раньше, вы были одна?

— С Флореной.

— Дом укорачивал путь.

— Да.

— Сейчас удлиняет.

— Очевидно.

— Что изменилось?

Майра посмотрела на него.

Рейнар тоже понял.

— Я.

— Похоже на то.

— Это плохо.

— Для вашей самооценки?

— Для оценки объекта.

Он спрятал прибор.

— Нужно вернуться.

— Каким образом?

— Идти.

— Вы только что доказали, что коридор растёт.

— Значит, перестанем играть по его правилам.

Он подошёл к окну.

Открыл.

Майра уставилась на него.

— Мы на втором этаже.

— Я заметил.

Рейнар высунулся наружу.

— Под окном крыша кухни.

— Вы предлагаете мне вылезти?

— Нет.

— Очень рада.

Он закрыл окно.

Потом подошёл к стене между двумя дверями и постучал.

— Что вы делаете?

— Ищу исходную перегородку.

— Вы можете определить её на слух?

— Иногда.

Он простучал ещё несколько участков.

Майра молчала.

Через минуту Рейнар присел, провёл пальцами по плинтусу.

— Вот.

— Что?

— Шов.

Она присела рядом.

В деревянной планке шла почти незаметная линия.

— И?

— Это место должно находиться возле лестницы.

— Почему?

— Я запомнил рисунок дерева при подъёме.

Майра посмотрела на него.

— Вы запомнили плинтус?

— Я осматриваю аномальные здания.

— Конечно. Глупый вопрос.

Он встал.

— Дом не переместил нас.

— А что сделал?

— Изменил восприятие расстояния или повторил участок коридора вокруг исходной точки.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Просто объясняет, почему мы не нашли лестницу.

— И как найдём?

Рейнар не ответил.

Закрыл глаза.

Майра уже собиралась спросить, что он делает, когда поняла: он прислушивается.

Снизу доносился едва слышный звон посуды.

Флорена.

Рейнар повернулся на звук.

Сделал шаг к стене.

— Здесь.

— Здесь дверь.

— Именно.

— Но за ней комната.

— Сейчас проверим.

Он открыл дверь.

За ней была лестница.
Майра несколько секунд смотрела.
Потом заглянула обратно.
Там, где раньше находилась лестница, теперь стояло окно.
— Я начинаю сочувствовать городскому чиновнику, — сказала она.
Рейнар посмотрел на неё.
— Почему?
— Он хотя бы честно признался, что не любит сюда приходить.
Рейнар прошёл к лестнице.
— Спускайтесь первой.
— Почему?
— Потому что объект реагирует на меня.
— И вы всё равно пойдёте следом?
— Да.
— Вы могли бы просто закончить осмотр.
Он посмотрел на неё так, будто предложение было странным.
— Мог бы.
— Но?
— Тогда я не узнаю, почему он реагирует.
Ответ оказался настолько простым, что Майра снова не нашлась сразу.
Он не доказывал храбрость.
Не рисовался.
Не требовал, чтобы первым шёл кто-то другой.
Он просто увидел потенциальную опасность и решил разобраться.
— Хорошо, — сказала Майра.
— Что именно?
— Ничего.
— Опять.
— Привыкайте.
Они спустились.
На этот раз лестница не изменилась.
Флорена ждала в холле.
Увидев их, она облегчённо выдохнула.
— Я уже хотела идти искать.
— Не надо, — одновременно сказали Майра и Рейнар.
Они посмотрели друг на друга.
Флорена улыбнулась.
— Хорошо.

Рейнар закончил осмотр третьего этажа быстрее.
Крыша его не впечатлила.
Точнее, протечки впечатлили гораздо меньше изменяющегося коридора.
Он проверил несколько комнат, чердачный вход и балки под самой большой течью.
Когда одна из капель упала ему на плечо, Майра не удержалась:
— Это обычная вода.
Рейнар посмотрел на мокрое пятно.
— Удивительно.
— Решила предупредить, чтобы вы не записали крышу в аномальные проявления.

— Пока не записал.

— Опять «пока».

— Вы быстро учитесь.

Майра не успела придумать ответ, потому что внизу хлопнула дверь.

Рейнар сразу повернулся.

— Кто ещё здесь?

— Никого.

Они спустились.

У входа стоял молодой сотрудник Палаты, которого Майра раньше не видела.

Он протянул Рейнару сложенный лист.

— Проверили соседние дома. Жалоб на пропажу продуктов нет. По рынкам тоже ничего необычного.

Рейнар прочитал.

— Хорошо.

Майра подошла ближе.

— Значит, кладовая ничего не ворует?

— По крайней мере, пока признаков нет.

Она вздохнула.

— Если ещё раз…

— Я должен говорить точно.

— Иногда точность очень раздражает.

— Мне об этом сообщали.

Вот теперь он действительно пошутил.

Совсем сухо.

Но Майра заметила.

И почему-то стало легче.

Сотрудник ушёл.

Рейнар сложил лист.

— Мне нужно оформить предварительное решение.

— Наконец-то.

— Не думаю, что оно вам понравится.

Легче стало преждевременно.

Они вернулись в гостиную.

Флорена сидела у окна и работала над синим воротником. Увидев их, она хотела уйти.

— Останьтесь, — сказал Рейнар. — Решение касается и вас.

Майра встала возле камина.

Рейнар не сел.

— Объект активен. Его функции автономны и не контролируются владельцем. Внутренняя структура способна изменяться. Кроме того, дом вступил в неизвестное взаимодействие с проклятием постоялицы.

— И помог ей.

— Это пока выглядит как помощь.

Майра уже открыла рот.

— Да, — сказал Рейнар. — Я знаю. Слово вам не нравится.

Она закрыла рот.

Флорена тихо улыбнулась над тканью.

— Немедленной угрозы жизни я не обнаружил, — продолжил Рейнар. — Поэтому сегодня опечатывать здание не буду.

Майра почувствовала облегчение.

Ненадолго.

— Но с этого момента пансион находится под временным надзором Палаты.

— Что это означает?

— Вы не имеете права заселять новых людей до завершения первичной проверки.

— А Флорена?

— Может остаться, если хочет.

Флорена кивнула.

— Хочу.

Майра посмотрела на неё.

Вчера женщина просила одну ночь.

Сегодня сама решила остаться ещё.

И отражение понемногу возвращалось.

Выселить её сейчас значило бы оборвать то, что только начало происходить.

Рейнар продолжил:

— В течение семи дней вы должны доказать безопасность объекта.

— Каким образом?

— Зафиксировать правила его работы. Установить, какие проявления можно предсказать. Подтвердить, что дом не удерживает людей против воли, не причиняет им вреда и не создаёт угрозы соседним зданиям.

— За семь дней?

— Да.

— Я владею им второй день.

— Аномалия не станет безопаснее оттого, что вы недавно получили ключи.

— Вы очень любите разумные доводы именно тогда, когда они мне мешают.

— Это взаимно.

Майра сложила руки.

— А если я не докажу?

— Пансион закроют.

— Временно?

Рейнар выдержал паузу.

— До решения Палаты.

— Что на чиновничьем языке означает «надолго».

— Иногда навсегда.

Флорена перестала шить.

Майра почувствовала, как вся утренняя злость возвращается разом.

Вчера у неё не было ничего.

Потом появился дом.

Пусть полуразрушенный.

Пусть странный.

Пусть с лестницей, которая иногда не знает, сколько у неё ступеней.

Но он был её.

Первое решение, которое не зависело от того, насколько она удобна другому человеку.

Первое дело, принадлежавшее только ей.

И сейчас мужчина, вошедший сюда меньше часа назад, спокойно объяснял, что через неделю всё это могут у неё забрать.

— Нет.

Рейнар чуть нахмурился.

— Что «нет»?

— Вы не закроете мой пансион.

— Это зависит от результатов проверки.
— Тогда результаты будут такими, какие нужны.
— Магические объекты редко интересуются желаниями владельцев.
— Этот интересуется.
Рейнар посмотрел на неё.
— Именно это меня и беспокоит.
— Видели здесь хоть одну опасную вещь?
— Да.
— Что?
— Самостоятельное изменение пространства.
— Оно никому не причинило вреда.
— Пока.
Майра стиснула зубы.
— Кроме этого.
— Неконтролируемое перемещение дверей.
— И?
— Автономный огонь.
— И?
— Неизвестный механизм появления еды.
— Которую ваши люди уже проверили.
— Только на факт кражи.
— Флорена?
— Что Флорена?
— Её отражение возвращается.
— Это не доказывает безопасности дома.
— Значит, вы ничего опасного не видели.
Рейнар несколько секунд смотрел на неё.
— Пока что вижу только хозяйку, которая совершенно не понимает, что купила.
В комнате стало тихо.
Флорена опустила ткань на колени.
Майра почувствовала, как злость неожиданно становится холодной и очень ясной.
Она подошла на шаг ближе.
— А я вижу герцога, который совершенно не понимает, кого пытается выселить.
Рейнар слегка приподнял брови.
— Я не пытаюсь выселить вас.
— Вы только что объяснили, что через семь дней можете закрыть мой дом.
— Если он опасен.
— Тогда вам придётся доказать это мне так же убедительно, как я должна доказать вам обратное.
— Это не торг.
— Прекрасно. Я как раз устала от мужчин, которые оценивают, насколько выгодно иметь меня рядом.
Слова вырвались раньше, чем Майра успела остановить их.
Рейнар ничего не сказал.
Разумеется.
Он не знал об Оскаре.
И не должен был знать.
Майра раздражённо поправила край рукава.
— Забудьте.

— Хорошо.
Ни любопытства.
Ни сочувствия.
Ни попытки спросить.
Почему-то это оказалось именно тем, что ей было нужно.
Рейнар взял со стола документ.
— Семь дней.
— Мне хватит.
— Не обещайте того, чего не можете знать.
— Я не обещаю. Я сообщаю.
На этот раз он посмотрел на неё почти с усталостью.
— Вы всегда такая?
— Какая?
— Уверенная, что спор способен изменить факты.
Майра задумалась.
— Нет.
Ответ явно удивил его.
— Иногда факты меняются сами.
Она указала на лестницу.
— В этом доме особенно часто.
Флорена рассмеялась.
Рейнар покачал головой.
Но теперь в его лице раздражение странным образом соседствовало с чем-то ещё.
Не симпатией.
До неё было очень далеко.
Скорее вынужденным признанием того, что убрать Майру с дороги простым приказом не получится.
И это устраивало её полностью.

Рейнар потратил ещё полчаса на записи.
Он сидел за столом в гостиной, сверяя показания прибора и составляя список условий.
Майра ходила рядом и комментировала почти каждое.
— «Не принимать новых постояльцев». Это временно?
— До следующего осмотра.
— Когда он?
— Через два дня.
— Вы опять приедете?
— Да.
Она почему-то ожидала другого ответа.
— Лично?
Рейнар поднял глаза.
— Это проблема?
— Я просто уточняю масштаб наказания.
Он вернулся к бумаге.
— «Не предпринимать попыток намеренно вызывать пространственные изменения».
Майра прочитала через его плечо.
— Как будто я знаю, как.
— Тогда соблюдать пункт будет несложно.

— «Не покидать объект во время активного проявления». Это что означает?

— Если дом начнёт менять пространство, вы не должны бросать внутри постояльцев и уходить.

— Я и не собиралась.

— Теперь это зафиксировано.

— Вы всё фиксируете?

— Почти.

— Утомительно.

— Полезно.

— А если дом ночью решит открыть новую комнату?

Рейнар остановил перо.

— Не входить.

— И всё?

— Позвать меня.

Майра посмотрела на него.

— Каким образом?

Он достал из сумки небольшую плоскую пластинку с гербом Палаты.

— Нажмите в центре.

— И что произойдёт?

— В Палате появится сигнал.

— Сразу?

— Да.

Она взяла пластинку.

Тяжёлая.

Холодная.

— Вы выдаёте такие всем владельцам странных домов?

— Только тем, которые могут внезапно перестроить второй этаж вокруг проверяющего.

— Значит, мне положена особая услуга.

— Не гордитесь.

Майра убрала пластинку в карман.

— Я совершенно спокойна.

Флорена закашлялась.

— Вы сегодня очень разговорчивая, — заметила Майра.

— Простите.

— Не начинайте опять.

Флорена улыбнулась и вернулась к шитью.

Когда Рейнар закончил, он поднялся.

— На сегодня всё.

Майра посмотрела на часы.

Осмотр длился почти три часа.

Она удивилась.

Казалось, значительно меньше.

Вероятно, постоянное желание спорить ускоряет время.

Рейнар надел перчатки.

— Я пришлю копию предписания сегодня вечером.

— Вы же уже дали мне одно.

— Это решение по результатам осмотра.

— Конечно. Бумаг никогда не бывает достаточно.

— Бумага имеет неприятное свойство сохранять то, о чём люди потом предпочитают забывать.

Фраза прозвучала неожиданно жёстко.

Майра посмотрела на него внимательнее.

На секунду ей показалось, что речь вообще не о пансионе.

Но выражение его лица не изменилось.

Он взял сумку.

Флорена поднялась.

— Герцог Дорн.

— Да?

— Вы думаете, мне безопасно оставаться?

Майра напряглась.

Рейнар не ответил сразу.

Подошёл к женщине.

— Я думаю, что ваше состояние связано с этим домом меньше, чем с тем, что произошло раньше.

Флорена кивнула.

— Но он помогает?

— Возможно.

Она улыбнулась.

— Вы действительно любите это слово.

Рейнар перевёл взгляд на Майру.

Та сделала самое невинное лицо, на которое была способна.

— Главное, — продолжил он, — вы должны иметь возможность уйти в любой момент. Если почувствуете, что не можете открыть дверь, покинуть комнату или отказаться от того, чего дом от вас требует, сразу используйте сигнальную пластину.

— Она у Майры.

Рейнар достал вторую.

— Теперь и у вас.

Флорена взяла её.

Майра снова почувствовала то странное несоответствие, которое мешало окончательно записать герцога во враги.

Он приехал закрывать её пансион.

Раздражал.

Командовал.

Считал половину её решений неразумными.

Но Флорену он ни разу не использовал как доказательство собственной правоты.

Он спрашивал разрешение.

Объяснял.

Оставил ей способ позвать помощь отдельно от хозяйки.

Майра очень не любила сложных противников.

С простыми было удобнее.

— Я провожу, — сказала она.

Они вышли в холл.

Рейнар уже взялся за ручку входной двери, когда наверху что-то тяжело ударило.

Все трое остановились.

Майра подняла голову.

— Что это?

Рейнар отпустил дверь.

Второй удар.
Не громкий.
Будто на втором этаже передвинули тяжёлый шкаф.
— Флорена?
— Я ничего там не оставляла.
Третий звук был другим.
Протяжный скрежет.
Майра уже шла к лестнице.
Рейнар перехватил её за предплечье.
Не сильно.
Но остановил.
— Я первый.
Она посмотрела на его руку.
Он сразу убрал её.
— Объект реагирует на меня.
— Именно поэтому первой должна идти я.
— Если он создаёт угрозу именно мне, вы не знаете, как она проявится.
— А вы знаете?
— Нет.
— Тогда чем вы лучше?
Рейнар открыл рот.
Закрыл.
— Иногда вы спорите просто из принципа?
— Сейчас — нет.
Майра пошла первой.
Он оказался рядом почти сразу.
Лестница не сократилась.
Не удлинилась.
Двадцать четыре ступени.
На площадке второго этажа всё выглядело обычно.
Флорена поднялась следом.
— Там.
Она указала в конец коридора.
Майра сначала не поняла.
Потом остановилась.
Утром в конце коридора было окно.
Она помнила совершенно точно.
Рейнар сам стоял там во время осмотра.
Теперь окна не было.
На его месте находилась дверь.
Тёмная.
Высокая.
Совсем не похожая на остальные двери пансиона.
Дерево выглядело почти чёрным, а ручка была серебряной.
Майра медленно подошла.
— Это новая?
Рейнар ответил:
— Да.
— Уверены?

— Я осматривал стену три часа назад.
— Я тоже.
Они остановились в нескольких шагах.
На двери не было никаких украшений.
Только небольшая латунная пластинка.
Майра посмотрела на неё.
Цифра была простой.

Она машинально пересчитала комнаты в голове.
На втором этаже их было восемь.
На третьем — четыре.
Всего двенадцать.
Так значилось и в городских документах.
Двенадцать жилых комнат.
— У меня нет тринадцатой комнаты, — сказала Майра.
— Теперь есть, — тихо ответила Флорена.
Рейнар достал прибор.
Подвижные пластины раскрылись сразу и так резко, что одна ударила о край корпуса.
Он нахмурился.
— Не подходите ближе.
Майра уже собиралась напомнить, что это её дом, когда на двери что-то изменилось.
Под цифрой появилась тонкая светлая линия.
Сначала Майра решила, что дерево поцарапано.
Линия стала первой буквой.
Потом второй.
Буквы проступали медленно, будто невидимая рука выводила их прямо на поверхности двери.
Рейнар застыл.
Майра смотрела.
Флорена перестала дышать так тихо, что это стало заметно.
Через несколько секунд надпись была закончена.
Под номером тринадцать стояло имя:
«Рейнар Дорн».
Майра перевела взгляд на герцога.
Впервые за всё время знакомства его лицо действительно изменилось.
Совсем немного.
Но холодная уверенность исчезла.
— Кажется, — сказала Майра, — пансион всё-таки решил принять нового постояльца.
Рейнар не ответил.
Внутри тринадцатой комнаты щёлкнул замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.